

КРУГЛЫЙ СТОЛ “СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК”

19 февраля 2008 года в конференц-зале Института социологии НАН Украины состоялось заседание круглого стола на тему “Социальные интересы в дискурсе общественных наук”. Представленные материалы освещают ключевые моменты междисциплинарного дискурса социологов, философов и психологов, посвященного проблемам концептуализации категории “социальный интерес”. В частности, обсуждаются вопросы феноменологии социально-групповых и личностных интересов, рассматриваются особые интересы разных социальных групп. Концепт социального интереса исследуется в контексте ценностного сознания, а также рассматриваются вопросы социальных интересов и псевдоинтересов и механизмы и формы их реализации.

Abstract

On February, 19, 2008 the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine conducted round table on social interests presented in the discourse of social sciences. The papers given below highlight key problems of interdisciplinary discourse between sociologists, philosophers, and psychologists concerning conceptualization of the social interest category. Particular attention is paid to phenomenology of social, group, and personal interests, as well as special interests of various social groups. The concept of social interest is discussed in the context of value consciousness. Social interests and pseudointerests along with mechanisms and forms for their realization are also examined.

ВАЛЕРИЙ ВОРОНА,

академик НАН Украины, директор Института социологии НАН Украины

Вступительное слово

Сегодня на круглый стол выносится вопрос о социальных интересах. Мы пригласили представителей всех социогуманитарных наук: философов, социологов, экономистов, политологов, психологов. Проблема касается всех нас. Хотя все вроде бы знают и согласны с тем, что людьми и миром движут интересы, когда дело доходит до практики, вопрос о соотносительности экономических, нравственных и социальных интересов и их реальном влиянии на поведение остается вне социогуманитарного научного дискурса. Я думаю, что такой круглый стол, в котором участвуют юристы, экономисты, социологи, политологи, нам очень нужен; иначе мы не разберемся в проблеме интересов. Есть определенная связь между потребностями, интересами, ценностями и поведением. Когда нет комплексного подхода, каждый рассматривает свой уровень, и реальные причины социального поведения, действий социальных групп остаются до конца не выясненными. Поэтому я надеюсь, что такое обсуждение действительно будет полезным не только для теории, но и для практики. Я предоставляю слово Игорю Орестовичу Мартынюку, с тем чтобы мы начали дискуссию с обсуждения возможностей междисциплинарного исследования интересов.

ИГОРЬ МАРТЫНЮК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Возможности междисциплинарного исследования проблемы интересов

Уважаемые коллеги! Рад приветствовать всех, кого собрал в этой небольшой аудитории интерес к интересу. Если бы вдруг среди нас оказался такой великий специалист по проблеме интересов, как булгаковский господин Воланд, и вздумал вместо своего традиционного ежегодного бала провести конференцию ученых всех времен и народов, которые в своих исследованиях так или иначе затрагивали вопросы интересов, то даже ему с его сверхъестественными возможностями вряд ли удалось бы создать помещение, способное вместить всех заинтересованных, ибо эта проблема издавна находится в центре внимания обществоведов.

Изначально категория “интерес” создавалась для обозначения реальных причин общественных и индивидуальных действий. Первые догадки касательно интересов как движущей силы развития общества и человека можно найти как у философов античности, так и у древнекитайских и древнеиндийских мыслителей, что указывает на закономерность использования интереса в любой категориальной схеме мирообъяснения. Затем на протяжении многих веков, когда познание общественных явлений оставалось недифференцированным на отдельные научные дисциплины, укрепилась многостадийная традиция переосмысления содержания понятия “интерес”, которое обновлялось и модифицировалось при каждом изменении научной парадигмы.

Обусловленное кардинальными изменениями в способе производства, общественных отношениях, мировоззрении, средствах и уровне теоретического познания деление обществоведения на отдельные науки, с одной стороны, привело к углубленному изучению и теоретическому осмыслению сущности категории “интерес”. С другой стороны, на определенное время, пока в науке доминировали аналитические методы, была утрачена целостность восприятия всего проблемного поля понятия интереса.

Наиболее бурно, начиная с XVIII–XIX веков, происходило введение категории интереса в научный оборот в **экономической науке**. Изучая общественные формы производства и распределения, обмена и потребления материальных благ, она концентрировалась на взаимосвязи предмета потребности с ее осознанием под углом зрения господствующих экономических отношений. Начиная с Адама Смита, с его концепцией “экономического человека”, интерес усилиями Д.Рикардо, Дж.Миля, И.Бентама и др. приобретал значение универсального мотива, который воспроизводится в разных ипостасях на основе действия механизма конкуренции.

Принципиально иначе интерес был задействован в марксистской научной парадигме — как основание для классового единения, мотивационный фактор формирования революционных практик “восходящего класса”.

Специфика современного экономического толкования интереса заключается в его интерпретации в качестве объективной необходимости удовлетворения как имеющих, так и ожидаемых потребностей субъектов на основе их взаимодействия, обусловленного характером действующих в обществе экономических отношений.

Психология, в свою очередь, использует понятие интереса для объяснения того, каким образом субъекты социального взаимодействия воспринимают и воспроизводят в своем воображении объективную реальность сквозь призму собственных потребностей. Интерес характеризуется единством мотивационного, ценностно-эмоционального и волевого компонентов, выступая устойчивым стремлением к поиску определенных, социально обусловленных средств удовлетворения потребностей. Изучение внутренней структуры и механизмов действия интересов, связи их с другими психическими свойствами, состояниями и процессами, взятыми в динами-

ке процесса социализации индивида, представляет отдельный, однако необходимый для комплексного понимания проблемы срез.

В арсенал **правовой науки** категория “интерес” вошла как одна из основополагающих, ведь еще в практике древнеримского судопроизводства интерес выступал в качестве смыслообразующего и системоупорядочивающего фактора. Наиболее полно познавательный потенциал интереса проявляется в правовой теории интересов, где право рассматривается как закрепленный в законодательстве интерес. Широко известна марксистская формула интереса как превращенная в закон воля господствующего класса.

В современных теориях права бытуют различные взгляды как на эпистемологическую природу интереса, так и на его правовую функцию. Но общепризнанным является усиление интереса к социальной обусловленности правовых норм, социальной легитимации нормотворчества благодаря институтам общественного влияния на власть, государство и законодательство. Правоотношения предстают в виде определенного пространства, в котором происходит сопоставление интереса субъекта оценки с интересами других участников правоотношений. Таким образом, процесс правового регулирования жизнедеятельности общества выступает формой социального самоконтроля, источником и механизмом генезиса которого служит не что иное, как интерес.

Политология долгое время рассматривала интерес как главное звено марксистской политической доктрины, движитель истории, который вследствие непримиримого противоречия интересов классов-антагонистов обуславливал историческое развитие. Позже, с конца XIX – начала XX века к классовому анализу добавилась проблематика функционирования политических движений, партий и организаций.

Современная политическая наука усматривает в изучении интересов возможность способствовать их своевременному удовлетворению, согласованию и координации, что позволит предотвращать социальные кризисы и аномалии. Усложнение общественной структуры и взаимодействия разных социальных акторов требует своевременного совершенствования методов изучения и мониторинга не только актуальных, но и прежде всего каждого потенциального конфликта интересов, что позволит принимать эффективные социально-политические решения и предпринимать адекватные меры.

Так или иначе, не приходится сомневаться, что сегодня понятие интереса имеет сложную, синтетическую, многоуровневую структуру как одно из базовых научных представлений о механизмах функционирования общества. Категория “интерес” аккумулировала в себе, помимо социологического содержания, аспекты и ракурсы рассмотрения, относящиеся к предметной сфере других наук о человеке и социуме – психологии, политэкономии, права, этики, эстетики, политологии, теории управления и т.п. Считаю, что пришло время восстановления целостности представлений об интересе, которые бы базировались на междисциплинарном подходе, что помогло бы осмыслить и осуществить синтез достижений разных наук. Основой подобного синтеза должна стать именно социология, которая по своему предмету призвана всесторонне охватывать всю систему социальных связей.

АНАТОЛИЙ ЕРМОЛЕНКО,

*доктор философских наук, заведующий отделом социальной философии
Института философии им. Г.С.Сковороды НАН Украины*

Интегрирующая роль социальных интересов

Это, пожалуй, очень хорошо, что мы здесь собрались на таком междисциплинарном обсуждении, с целью исследовать и договориться, что же такое социальный интерес, что такое интерес в целом и как его исследовать. Я хочу в первой части свое-

го выступления осветить то, с каким методологическим багажом мы должны подходить к этой проблеме. Как выявить интерес? Знаменитый пример Макса Вебера: когда человек рубит дрова, то в чем заключается смысл его действия? И здесь можно сказать, что такая проблематичность выявления смысла, собственно говоря, касается интереса: возможно, интерес этого мужчины заключается в том, чтобы нарубить дров и затопить печку, а может, он просто хочет согреться или поссорился с женой и хочет согнать раздражение и т.д. В чем же его интерес? Действительно, одно дело — феноменологическое исследование с точки зрения социологии, которая стремится проникнуть в смыслы, другая позиция — позитивистское, описательное исследование, когда мы фиксируем и описываем те факты, которые наблюдаем, и предстаем как внешние наблюдатели. По крайней мере, мы можем говорить о следующих двух познавательных подходах в социальной теории: феноменологический и системно-функциональный. То, что существует разнообразие социальных теорий, вряд ли кто-то может отрицать. Как же тогда быть? Опять же, повторяю, это очень хорошо, что мы устраиваем такие дискуссии. По-видимому, в самом этом дискурсе мы можем каким-то образом достичь определенного согласия, устанавливая, как именно мы можем прийти к нему.

Рассуждая о теме нашего обсуждения, я вспомнил знаменитую работу Хабермаса “Познания и интерес”, где он четко выделяет, по крайней мере, три познавательных интереса. Первый — это интерес, связанный с рациональным действием, технический, или инструментальный интерес, второй — практический, коммуникативный и третий — эмансипативный интерес. Вот в кругу этих интересов мы, в конечном итоге, и находимся. Инструментальный интерес связан с сохранением нас как определенной системы в обществе, это может быть система личности, экономическая, политическая, научная система и т. п. Этот инструментальный интерес связан с самосохранением той или той системы, с инструментальным или целерациональным действием, направленным на другой объект. Основой его является труд, который образует “функциональный круг инструментального действия”. Второй момент — это практический интерес, связанный с интеракцией, коммуникативным действием, речевыми актами. Он заключается в том, чтобы очертить некоторые рамки, потому что каждый из нас ориентируется на определенные интересы, стремится достичь определенных целей, ведь мы живем в обществе, общественным способом, а следовательно, в определенных общественных рамках, то есть в рамках норм, а норма — это некая генерализированная форма ожиданий со стороны других людей. То есть это коммуникативный интерес. И третье — эмансипативный интерес. Он связан с идеализациями, а потому коррелирует с нашей рефлексивной деятельностью. Мы всегда находимся в определенном эмпирическом мире, но этот эмпирический мир своим горизонтом имеет идеальный мир. Потому что мы оперируем понятиями, оперируем категориями и т. п., которые и связаны с идеализациями. Это мир “als ob” (вроде бы), по определению Файхингера, мир, без которого невозможна никакая человеческая деятельность. Следовательно, эмансипативный интерес также связан с идеализациями, и в обществе этот интерес опирается на априори идеального общества. Он образует горизонт критического отношения к существующему обществу, а значит, является основой для создания критической теории общества. В свою очередь, каждому познавательному интересу отвечает особый вид исследований, особенный комплекс наук: техническому интересу отвечают эмпирико-аналитические науки, практическому — историко-герменевтические, эмансипативному — социально-критические науки. Поэтому мы всегда должны учитывать все эти интересы.

Если двигаться в этом направлении, мы должны ответить на вопрос: что следует понимать под социальным интересом? По-видимому, социальный интерес — это тот интерес, который может объединять тех или тех акторов, те или те социальные группы, нации, культуры, и, в конечном итоге, общества в целом. Это уровень социальной интеграции. То, каким образом мы идентифицируем самих себя как “Мы”, что и отражается соответствующим местоимением. На чем же основывается это “Мы”?

Невозможно ответить на этот вопрос, не обращаясь к историческому анализу развития общества. Скажем, традиционное общество основывалось прежде всего на общих ценностях. Современное общество — прежде всего на общих интересах, а также на компромиссе интересов. Это не означает, что в современном обществе ценности не имеют никакого значения, это значит только, что в известной мере в нем смещаются акценты, и общественные интеграции переходят к интеграциям, основанным на общих интересах и компромиссе интересов. Здесь мы выходим на тот уровень, когда социальные интересы предполагают системные интеграции в обществе. Наряду с другим, это то, что объединяет нас в определенную целость. В последнее время, особенно в постмодернистской литературе, все чаще заявляют о том, что такой целости не существует, но мы всегда должны иметь в виду диалектику части и целого. Ведь мы никоим образом не можем говорить только о части, не имея в виду того, что существует определенное целое. Но, когда идет речь о такого рода целости, то, по-видимому, мы должны выйти на уровень той нормативной системы, которая и образует эту целость. Это проблема соотношения разнообразных социальных систем. Я уже говорил об этом: экономика, политика, наука и т.д. — это тоже проявление плюральности мира, и хотя нет единственной рациональности, тем не менее на протяжении последнего, XX века, да и в настоящий момент философы и социальные философы, а также социологи, преимущественно на Западе, начали говорить о потребности в обосновании такой нормативной системы, которая бы так или иначе влияла и на науку, и на политику, и на экономику. То есть идет речь здесь о единстве рациональностей, по крайней мере, как регулятивной идее. И это единство отражается в единстве нормативной системы, что и объединяет интересы. А формируется оно открытым общественным дискурсом, который опирается на априори идеального дискурса. И отсюда мы выходим еще на один уровень социального интереса, уровень, который связан уже с социальной этикой. Что бы там ни говорили о ценностно-нейтральной науке, экономике или политике, мы не можем отрицать того факта, что каждая из этих систем опирается на нормативную систему, которая, повторю, основывается на дискурсе. На мой взгляд, то, что касается социального интереса в конце X — в начале XXI века, связано с социальной этикой, экономической этикой, этикой бизнеса, политической этикой и т.п. Социальная этика, я бы сказал, является нормативной основой социальных наук.

В завершение хотел бы добавить, что, когда мы обсуждаем всю проблематику, связанную с социальными интересами, мы выходим на уровень нашего интереса, нас как общества, как страны, как нации. И здесь, по-видимому, мы не сможем говорить о социальном интересе, не выстраивая четкого дискурса обсуждения этой проблематики. Социальный интерес, который объединяет или может объединить общество, должен опираться на такие категории, как справедливость, социальная солидарность и т. д. Наш социальный интерес не должен ограничиваться сугубо экономическими категориями, опираясь в большой мере на такие концепты, как социальное государство, социальное рыночное хозяйство, что выходит за пределы сугубо экономического категориального аппарата. Это не только метафора, это уже реальность в развитых странах, в том виде, в котором она складывалась в Европе в послевоенный (после Второй мировой войны) период. Следовательно, социальный интерес, хотя это и банально звучит, связан с решением так называемого социального вопроса у нас (и не только у нас). А для этого экономика должна быть подчинена политике, а политика — этике. Поэтому на Западе все больше говорят о возрождении политической экономии, которая должна занять место экономической теории. Это не значит, что экономика должна быть совсем зарегулирована государством, это значит, что экономика должна быть подчинена такой институции, как общественность, публичность, которая является также и этической категорией. Потому что этизация экономики и политики не является возвращением к традиционным добродетелям, ценностям и нормам, а является обсуждением и легитимацией основных норм и ценностей, согласно которым мы должны жить. И как раз в этом и отражает-

ся общественно-интегративный интерес. Однако именно это обоснование должно опираться на определенные идеализации, связанные с эмансипативным интересом, который делает возможным критическое отношение к тому обществу, в котором мы живем. Я думаю, что именно таким образом мы и можем решить этот сложный вопрос общественного интереса. Что именно объединяет общество, мы должны решать все вместе, в общественном дискурсе, который является основой делиберативной демократии. Другое дело, насколько мы готовы к этому, я имею в виду и граждан, и все общество в целом, в силу того, что институции публичности у нас скорее не являются достаточно зрелыми.

ВЛАДИМИР ГОРБАТЕНКО,

доктор политических наук, заместитель директора Института государства и права им. В.М.Корецкого НАН Украины

Факторы и средства преодоления неопределенности социальных интересов в Украине

Прежде чем изучать социальные интересы, следует определиться, в каком контексте мы их рассматриваем. Сущностное видение общественных интересов предполагает понимание их: как объективного явления, отвечающего принципу, согласно которому интересы формирует качество общественного бытия; как субъективно-объективного явления, то есть как определенной ориентации человеческого сознания; как диалектического единства объективного и субъективного начал. Во временном измерении интересы делятся на текущие и перспективные. Наряду с этим необходимо заметить, что категорию, которая призвана отражать единую, целостную реальность, неправомерно рассматривать исключительно в рамках отдельных наук. Нужно выйти на уровень межотраслевых, консолидированных усилий.

Причины неопределенности социальных интересов в условиях современного развития украинского общества следует искать на двух полюсах: 1) в посттоталитарном сознании и недемократическом поведении нынешней элиты, которая сознательно продуцирует идеологию социальной нестабильности, и ей невыгодна ясность с идеологией как непосредственным фактором интересов; 2) в среде отчужденной массы населения, которой в послеоранжевый период свойственно молчание как своеобразный ответ на неадекватную ее стремлениям модернизацию государства и общества. К этому следует добавить, что в Украине на всех уровнях общественного сознания преобладает ориентация на текущие интересы, поскольку нам не удалось преодолеть отчуждение от будущего, овладевшее украинским обществом с переходом к новому общественному строю. Отсюда объектом научного исследования и предметом практической деятельности отечественной научной и политической элит в данное время и в обозримом будущем должна стать реализация перспективных интересов (наука, образование, культура, экология, инновационное развитие, деятельность местных общин, поиски альтернативных источников энергии и т.п.).

Формирование общего (общенационального) осознанного интереса возможно при условии преодоления кризиса распределения, влияющего не только на характер государственного управления, но и на сознание каждого несправедливо обделенного человека. Таких, как известно, в нашей стране сегодня большинство. Одной из важных проблем является также выявление нелегальных, неформальных каналов реализации групповых интересов, таких как взяточничество, силовое давление, корпоративные связи, сетевые структуры. С целью преодоления указанных негативных явлений следует сосредоточить основные усилия на выработке различных форм отстаивания общих, общественно значимых интересов посредством общественной кооперации, соучастия, консенсуса, компромисса, доверия. Указанные механизмы нужно вывести на уровень социальных ценностей, которые должны орга-

нечно сочетаться с социальными нормами. Чем ценности отличаются от норм? Нормы — это то, что обязательно для выполнения. Это русло, за пределы которого не должна выходить активность людей. Ценности — это ориентиры, к которым люди стремятся все вместе или каждый отдельно. Движущими силами соблюдения норм являются осознанная необходимость, страх, долг. Ценностными движущими силами выступают свобода и внутренние потребности. На основе такого взаимодействия как раз и возможно расширение поля социальных интересов.

Украинским гражданам сегодня недостает глубокого осознания своей принадлежности как к общности (малой истории), так и к обществу (большой истории). Это крайне усложняет коллективную деятельность по защите людьми своих интересов. По наблюдениям ученых, социальные группы, имеющиеся в украинском обществе, проявляют активность и способность к групповой, коллективной деятельности только в случае устойчивого неудовлетворения потребности в реализации права на жизнь или при наличии явных и ощутимых угроз собственным интересам. Могущество элитных групп и слабость общественных обусловили появление в Украине опасного варианта отечественного некорпоративизма с претензией на монопольное представительство интересов всего общества, что в значительной мере повлекло искажение принципа представительства и доминирования на его основании примитивных политических махинаций, продиктованных корпоративными интересами.

В современной политической науке признана необходимость “свободной игры” и широкого представительства социальных интересов. Указанные факторы не только гарантируют влияние на принятие политических решений, но и обеспечивают постоянную поддержку, в которой нуждаются органы государственной власти и управления. Учитывая то, что практически не существует, так сказать, эффективных индивидуальных интересов и что каждая группа имеет свои интересы, следует помнить, что уровень развитости, демократичности страны определяется взаимодействием групп конфликтующих интересов. В Украине достижение подобного взаимодействия возможно при условии налаживания сотрудничества государства и гражданского общества. Только такое сотрудничество может в перспективе адекватно обеспечивать функцию гарантирования социальной справедливости в разных сферах функционирования общества — трудовой деятельности и занятости, образования, социального обеспечения, здравоохранения, научной деятельности. И только плюралистическая система представительства групп интересов способна обеспечить единый социетальный интерес.

Развитие Украины на современном этапе обнаруживает тенденцию к расширению участия гражданских структур с их специфическими интересами в управлении разными сферами общественной жизни, а также к усилению их влияния на процессы построения государства, права и политики. Существенным признаком взаимодействия государства и гражданского общества в транзитных условиях считается распространение демократии с государственно-властного на общественно-личностный уровень. Важным направлением утверждения гражданского общества как альтернативы и вместе с тем партнера государства является преодоление правового нигилизма в обществе и утверждение личностных и общественно значимых интересов на всех уровнях общественной и государственной организации.

Главными условиями гармонизации социальных интересов следует считать: подход к правам человека как к наивысшей социальной ценности, обеспечение которой должно рассматриваться как главная функция государства; обеспечение социальной справедливости путем создания соответствующего законодательства и механизмов его внедрения; развитие социальных программ, ориентированных на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека; политико-правовая защита свободы конкуренции, экономического и политического плюрализма, господство права и закона; утверждение в общественной практике конституционно-правовых принципов социальной направленности государства и уважения к человеческому достоинству. Гармоничное взаимодействие институтов гражданского общества с государст-

вом делает возможным постепенное ограничение государственного вмешательства в экономическую и социокультурную жизнь граждан. Разрастание государства будет постепенно сведено к минимуму, и оно займет надлежащее ему в условиях современного развития место — быть исключительно функцией общества под его постоянным и всесторонним контролем.

ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВ,

*аспирант отдела социальной психологии Института социологии НАН
Украины*

Степень востребованности категории “интерес” в социологической теории

Уважаемые коллеги, хотел бы обратить Ваше внимание на вопрос востребованности категории “интерес” в теоретических исследованиях в социологии. В социологическом дискурсе, начиная от классики и заканчивая последними теоретико-социологическими разработками, прослеживаются довольно разнообразные, подчас противоречивые трактовки данной категории, что поднимает проблему определения ее значения и места в социологической науке. Используемый мною проблемный подход позволил условно выразить степень востребованности категории в четырех основных направлениях:

В первом направлении категория интереса признается первоочередной в объяснении социальной реальности. Такая позиция представлена в социологическом наследии Г.Ратценхофера, А.Смолла, Э.Росса, А.Бентли, Г.Зиммеля, Дж.Коулмена. Второе направление полагает категорию интереса как одну из основных в социологической рефлексии, наряду с другими социологическими категориями. Эта точка зрения прослеживается у К.Маркса и Ф.Энгельса, М.Вебера, Р.Перри, П.Бурдые и др. В третьем направлении интерес характеризуется как малозначимая социологическая категория (Э.Дюркгейм, В.Парето, Р.Мертон). И наконец, в четвертом направлении категория интереса отрицается за ненужностью в социологической рефлексии (Т.Парсонс, Р.Парк, Э.Берджес, Дж.Мейер).

Первое направление, полагающее категорию “интерес” фундаментальной в объяснении общественной жизни, по большому счету абсолютизирует этот феномен, не рассматривая никаких других социальных факторов, движущих поведением. Социологи, которых мы условно отнесли к данному направлению, мыслили социальную реальность сугубо в терминах интереса, то есть объясняли все происходящее результатом индивидуальных и социальных потребностей, устремлений, интересов. Рассматривая интерес как базовую категорию в объяснении социальной реальности, они, однако, не смогли провести четкого разделения между психологической и экономической трактовкой феномена, с одной стороны, и его социологической интерпретацией — с другой.

Тем не менее рассмотрение категории интереса как ключевой в социологической рефлексии предполагает ряд ценных идей. В частности, объяснение Э.Россом с помощью категории интерес “социальной силы” развития общества достаточно актуально и по нынешний день. Заслуживает внимания трактовка Г.Зиммелем интереса как скрытого источника социальных форм взаимодействия. И наконец, востребованными остаются предложенные А.Бентли и Дж.Коулменом оригинальные трактовки категории “интерес” как структурирующего элемента социальной жизни и способа контроля жизненно необходимых ресурсов.

Второе направление, предполагающее обращение к категории “интерес” как одной из основных в объяснении социологических реалий, избегает опасности ее абсолютизации, предлагая ее позиционирование в системе других понятий и категорий. Так, данная категория является одной из центральных в диалектико-материалисти-

ческой социологии К.Маркса и Ф.Энгельса, наряду с такими категориями, как отчуждение, конфликт и сознание. В свою очередь, основная заслуга М.Вебера в становлении исследуемой категории прослеживается в том, что он смог поместить концепт интереса в круг социологических категорий и в то же время сделать его их интегральной частью. Социолог использовал данную категорию для описания социального феномена интереса как в духе теорий среднего уровня, так и в масштабах макросоциологического подхода, стремясь дать ему дефиницию не только в рамках экономической деятельности, но и в политике, религии, интеллектуальной и даже интимной сфере.

Понимание категории “интерес” П.Бурдьё отличается от веберовской трактовки в том смысле, что эта категория выступает органической частью его социологической теории. Бурдьё придал категории “интерес” ту же значимость, которой наделил такие концепты, как габитус, поле и капитал, однако это не исключило противоречивости использования данной категории. В частности, ценной представляется идея, что интересов ровно столько, сколько можно выделить социальных полей и сколь велико желание агента бороться за различного рода капиталы того или иного поля. Бурдьё, с одной стороны, подчеркивает, что категория “интерес” не должна использоваться лишь для описания преимущественно социальных конструкций, в отрыве от действующего агента. И в то же время отвергает психологический контекст, исходя из классического дюркгеймовского постулата объяснения социальных фактов только социальными фактами.

И наконец, третье и четвертое направления, рассматривают категорию “интерес” как малозначимую либо вообще ненужную в социологической рефлексии, сводя все многообразие и противоречивость социальной жизни к ценностям, нормам, культуре и нивелируя роль человеческих интересов. Причиной столь прохладного отношения к категории является отрицание сторонниками системных подходов методологического индивидуализма, который обычно ориентирован на изучение труда, рефлексии, интереса и т. п. Очевидно, что представители этих подходов не заинтересованы в социологическом анализе интересов, поскольку рассматривают общество как системное единство, возможное в терминах культуры, практик, символов, языка.

Следует отметить, что и Т.Парсонс, и Дж.Мейер довольно неоднозначно относятся к категории “интерес”, и отрицая, и используя ее в своих построениях. В частности, Т.Парсонс в “Структуре социального действия” разделяет идеи М.Вебера о религиозном интересе и в то же время критикует интерес как категорию за свойственный ей экономико-прагматический оттенок. В свою очередь, Дж.Мейер признает, что формальная организация, построенная на прагматическом интересе, всегда является “рациональным мифом”, но при этом указывает, что категория “интерес” выступает эффективным критерием, объясняющим развитие неформальных организаций. Очевидно, что ключ к пониманию подобной двойственности лежит в том, что социологи отталкиваются от экономической трактовки интереса и отождествляют социологическую категорию интереса с категорией экономического интереса.

Таким образом, степень востребованности категории “интерес” в теоретико-социологических построениях варьирует от ее апологетики до неприятия. Представляется, что подобное многоголосие во многом определяется парадигмальной позицией социолога и актуальным спектром решаемых задач, придающих данной категории ту или иную семантическую нагрузку и специфику операционализации. Как в свое время заметил Р.Мертон, категориальная неопределенность и противоречивость объясняется тем, что как “протокатегория” интерес не получил особой научной разработки и концептуальной точности и применялся для интерпретации целого спектра разнообразных феноменов. Поэтому не удивительно, что в широком семантическом поле этой категории каждый из социологов был склонен находить свои смыслы и свою систему ориентиров.

В заключение следует отметить, что категория “интерес”, открывая в различных исторических и проблемных срезах новые аспекты своего содержания, по-прежнему

му остается источником теоретико-социологических поисков, обеспечивающих развитие социологии как науки. Как будет выглядеть современная социологическая трактовка интереса? В каком значении категория интереса будет представлена в эмпирических исследованиях? Это лишь ряд вопросов, на которые предстоит ответить, если мы хотим иметь теоретически и практически востребованную социологическую категорию “интерес”.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социальные интересы: возможность концептуализации в рамках постнеклассической исследовательской платформы

Проблемная ситуация: Быстро и неоднозначно протекающие процессы модернизации украинского общества обнаружили значительные изменения в тех моделях межличностных и межгрупповых отношений, которые были присущи нашему обществу. Здесь неуместны оценочные высказывания, хотя они часто провоцируются теми изменениями в шкале ценностей, которые влекут за собой модернизационные процессы. Приобретая по шкале прагматичности, мы часто утрачиваем по шкале нравственности, приобретаем по шкале индивидуализма и инициативности, мы утрачиваем по шкале коллективизма и взаимответственности. И если для нас, находящихся только на первых этапах продвижения по пути модернизации, потери кажутся не очень заметными на фоне приобретений, то в развитых западных обществах издержки этих процессов уже очевидны. Наиболее ярко это описано в работах Баумана (“Индивидуализированное общество”), Фукуямы (“Великий разрыв”), Бека (“Общество риска”), Бьюкенена (“Смерть Запада”).

Главный конфликт и главное противоречие, которое при этом возникает, — это сложность в согласовании групповых и индивидуальных интересов. Попытка описать это с помощью моделей рационального действия (предположение, что совокупный результат деятельности многих агентов, направленной на реализацию собственных интересов, ведет к максимизации выгод в реализации групповых интересов) не дает желаемых результатов. Из теории игр известно, что ориентация лишь на собственные интересы оказывается оптимальной только в ситуации игры один на один. В случае командных игр модели индивидуальной оптимизации и рациональности не срабатывают.

Социологическая проблема, задающая цель данного исследования, может звучать следующим образом: какие модели согласования индивидуальных и групповых социальных интересов работают в современном украинском обществе. И, соответственно, основной *предмет исследования* можно обозначить как место и роль социальных интересов в изменении межгрупповых и межличностных отношений под влиянием динамических процессов на макроуровне социокультурного пространства (прежде всего модернизационных изменений).

Одна из основных задач первого этапа исследования, на мой взгляд, состоит в необходимости рассмотреть возникающую проблему в контексте современных общенаучных методологических установок, современной гносеологической и эпистемологической ситуации.

Говоря о ситуации, сложившейся на данном этапе науковедческого дискурса, принято исходить из выделения классического, неклассического и постнеклассического этапов развития науки. Это придает особое звучание проблеме выбора теоретической платформы выполнения всякой научной работы, требуя отрефлексированной позиции авторов в этом пространстве парадигмальных констелляций, с уче-

том легитимации полипарадигмальности как неотъемлемой характеристики постнеклассического этапа научного познания. Поскольку на первом этапе работы над проблемой встает вопрос о дефинициях, то особо значимым в процессе концептуализации основных понятий становится различение терминов “понятие” и “концепт”, как представляющих различные гносеологические инструменты в рамках классической и постнеклассической науки. Если, говоря о понятии, мы предполагаем возможность терминологического описания явления с точки зрения объективной, независимой от наблюдателя позиции, то, говоря о “концепте”, мы акцентируем внимание на присутствии субъективного компонента в формировании любого понятия, что и делает его концептом. И хотя я и дальше буду говорить о “понятии”, следует иметь в виду ту модификацию понимания этого термина, которая диктуется постнеклассическим общенаучным контуром. По сути, речь будет идти о концептах.

Дальнейшее уточнение поставленной задачи выводит на необходимость рассмотрения различных парадигмальных контуров (эпистемологических, теоретических платформ), на основании которых может концептуализироваться основное понятие данного исследования — *социальные интересы*.

В качестве основных следует выделить: а) классическую платформу (объективистскую, фактуальную, позитивистскую, макросистемную, структуралистскую); б) субъективистскую (феноменологическую, конструктивистскую, неклассическую, социального действия, микросоциологическую); в) интегративную, синтетическую (постнеклассическую, стремящуюся к объединению субъективного и объективного, системы и действия, структурализма и феноменологии). Концептуализации основных понятий в этих парадигмальных полях будут различаться, что не является противоречием, а лишь обеспечивает многосторонний охват предмета исследования с различных исследовательских перспектив.

В случае наиболее близкого для меня выбора в пользу интегративного подхода, в качестве исходного теоретического основания представляется целесообразным взять концептуальные положения, присутствующие в теоретических конструкциях П.Бурдьё. Понятия *социального пространства, социального поля, социального капитала, социального ресурса, социальных практик* дают адекватный инструментарий для рассмотрения процессов групповой динамики.

В рамках этого теоретического подхода социальные интересы индивида должны рассматриваться через *использование понятия габитуса* — одного из центральных в теоретических предложениях П.Бурдьё. В самом общем случае габитус можно разделить на два компонента — когнитивный и мотивационный. Именно в последнем присутствуют социальные интересы, причем как в их осознанной, так и в неотрефлексируемой форме, не выведенной на уровень сознания, но детерминирующей *социальные практики*. Как замечал Бурдьё, представление социального действия как сознательного и целевого возможно только с точки зрения внешнего наблюдателя (позитивистская точка зрения). Кроме того, для меня хорошо работающим на поставленную проблему выглядит понятие *социального успеха* как инструмент, с помощью которого можно описывать желаемую направленность перемещения человека в социальном пространстве.

Таким образом, в рамках избранного подхода *искомая дефиниция социального интереса* может звучать следующим образом. **Социальный интерес** — это регулятор направленности социальных практик, присутствующий на габитуальном уровне и направляющий эти практики в сторону достижения социального успеха (индивидуально определяемого через формирование субъективной модели социального успеха). Механизм такого перемещения в социальном пространстве (в сторону социального успеха) может быть описан как наращивание социального капитала путем использования ресурсов различных других капиталов (человеческого, социального, личностного, культурного, символического, экономического).

ВАЛЕНТИН ТАРАСЕНКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

Социальные интересы и псевдоинтересы

Проблема социальных интересов и псевдоинтересов — давняя теоретическая и практическая проблема, свидетельствующая о том, что в человеческом мире всегда были настоящие (реальные, действительные) и ненастоящие (нереальные, недействительные) интересы. Теми и другими люди не переставали руководствоваться, нередко меняя их местами, в зависимости от жизненных выгод и разных предпочтений, то есть использовалась импульсивная, побудительная сила как интересов, так и псевдоинтересов в выгодных ситуациях.

Поскольку интересы и псевдоинтересы “идут” рука об руку, то и в познании, и в практике (особенно в политической) всегда была актуальна потребность в их различении, поскольку псевдоинтересы, хотя и побуждают к деятельности, все равно обуславливают социальный обман, такую же, как и они, псевдореальность. Однако на пути этого различения стоят серьезные трудности, связанные прежде всего с онтологией бытия социальных интересов и антиинтересов. Речь идет о том, что социальный интерес, как и соответствующая потребность, — латентное образование, и это означает, что он никогда не приобретает эмпирической предметности, а значит и не поддается непосредственному чувственному отражению. Наблюдатель за поведением людей, то есть исследователь, в частности и социолог, не в состоянии прямо воспринимать этот объект.

Единственный способ его познания — интеллектуально-умозрительный, при котором интерес нельзя изучать без предварительного адекватного понятия о нем (социальный исследователь должен заранее знать, что такое интерес). Кроме того, интерес вообще невозможно изучать, то есть применять к нему эмпирические методы еще и по той причине, что как объект познания он является конституируемым, создаваемым.

Что же получается? Выходит, во-первых, то, что при изучении интересов объект раздваивается и исследователь имеет дело прежде всего с явлением интереса, а не с самим интересом, который, еще раз подчеркну, не существует в эмпирической форме. Следовательно, то (например, поведение), что несет в себе проявление интереса субъекта и тем самым свидетельствует о его наличии, не тождественно интересу. Явление-проявление интереса и сам интерес — два разных объекта, доступ к которым исследователя тоже разный: к явлению — эмпирический, исследовательский, к интересу — сугубо умозрительный, познавательный. На этом основании он судит о латентном объекте как элементе реальности, сконструировав его ситуативный (на момент исследования) образ.

Во-вторых, в такой сложной познавательной ситуации не может не раздваиваться сам процесс изучения социального интереса, когда становится заметной видимость между умозрительным и эмпирическим подходами. Последний не является прямым познанием интереса, поскольку, как уже говорилось, исследуется не сам интерес, а тот объект, который через себя обнаруживает его или свидетельствует о нем. Следовательно, в изучении социальных интересов взаимодействуют и дополняют друг друга два процесса: эмпирическое исследование явной и умозрительное постижение (познание) неявной части этого объекта.

Но что же такое псевдоинтерес? Разумеется, это — не собственно интерес, а его заместитель, выполняющий функции последнего, это — видимость, иллюзия интереса, которую воспринимают, точнее, осознают как сам интерес. Данное определение представляет только первый шаг к различению настоящих и ненастоящих интересов, которое возможно только с учетом фундаментальных признаков социального

интереса. Если опираться на марксистскую традицию, то трактовка социального интереса должна осуществляться по схеме: необходимость — потребность — интерес. При этом потребность выражает объективную необходимость в тех или иных действиях, направленных на обеспечение существования субъекта, а интерес фиксирует те “меры”, которые направлены на удовлетворение потребности, а значит, и реализацию данной необходимости.

Теперь мы можем вычленить определенные атрибутивные признаки социального интереса, без которых ни его, ни псевдоинтерес не охарактеризовать. Это носитель (субъект) интереса; потребность как его генетическое основание; предмет (объективное содержание) интереса; контекст действия (реализации) интереса; позиционирование интереса; обеспеченность интереса. Без какого-либо из этих атрибутов социальный интерес приобретает фальшивость, становится псевдоинтересом.

Очень важным признаком социального интереса является его подверженность позиционированию, которое осуществляется носителем на основе осознания насущности потребности и установки на ее удовлетворение, а также масштабности самого интереса с учетом условий его реализации (прежде всего обеспеченности соответствующими средствами). Как правило, при позиционировании своего интереса субъект ставит определенную цель в отношении его реализации, то есть преобразует интерес как необходимое отношение еще и в целевое отношение. Необходимость позиционирования социального интереса вытекает из того факта, что в мире человеческих запросов и претензий интерес любого субъекта не имеет значения, является, по сути, ничем, если он не получил заявленной и признанной позиции в системе интересов.

Позиционирование интереса — это процесс заявления и определения его позиции в структуре интересов общества, группы, класса, нации и т.п. с претензией на необходимость удовлетворения. Возникает вопрос: что является самым главным в этом процессе, поскольку от его направленности зависит представление интереса как настоящего или фальшивого? Самым главным является мера осознания самим носителем интереса и условий его осуществления в обществе, хотя, нужно сказать, люди не всегда руководствуются осознанными интересами, от которых можно отказаться. Важным, далее, является признание интереса данного субъекта другими. Этими двумя условиями в существенной степени определяется характер позиционирования интереса. Фальшивым позиционирование будет тогда, когда его привязывают не к потребности как собственному источнику, а, например, к цели или идее, идеалу. В таком случае нарушается генетическая связь между необходимостью, потребностью и интересом, и за интерес выдают то, что никак не может им быть.

Противоположный позиционированию процесс — утаивание, маскировка интересов, что также распространено в практике общественных отношений и взаимодействиях. Конечно, если настоящий интерес скрывают или маскируют, то тем самым пытаются под его личиной подать псевдоинтерес либо создать впечатление у противника вообще о полном отсутствии интереса. Цель такой операции — дезориентировать участников социального взаимодействия, чтобы они ошибались в анализе мотивационной сферы носителей скрытого интереса.

Как маскировка, так и откровенное позиционирование интересов могут подчиняться разным целям. Если принять во внимание второе, то так поступают с целью стыковки, лоббирования, экспансии, гармонизации (компромисса, консенсуса), стимулирования или торможения борьбы (конфликта) интересов.

Стыковка интересов — процесс подгонки их друг к другу без внесения в них каких-либо изменений, то есть без их корректировки. Интересы остаются теми же, что и были, но разрыв между ними преодолевается полностью или существенно уменьшается благодаря определенным согласованным сменам в условиях, средствах и способах их удовлетворения. Подчеркну, что речь здесь идет об интересах не одного субъекта, а разных, взаимодействующих между собой.

Лоббирование интересов — создание выгодных условий для беспрепятственной их реализации, в частности и за счет отбрасывания или урезания чужих интере-

сов. Лоббированием могут непосредственно заниматься как сами носители интересов, так и специально нанятые лобби (депутаты парламентов, правительственные чиновники, представители политических партий, общественных институтов и т.п.).

Экспансия интереса — распространение его на другого носителя, для которого он не является интересом. Так, по отношению к новому субъекту, которому чужой интерес как бы дарят, он становится псевдоинтересом, поскольку не имеет под собой генетического основания — потребности. Соответственно и новый “соискатель” интереса становится его псевдоносителем. Этот процесс весьма распространен, особенно в нестабильных, переходных обществах, где ведется разного рода борьба и доминирует раскол национальной ментальности по многим параметрам — политическим, экономическим, социальным, религиозным, этническим, геополитическим. В ситуации такой нестабильности, борьбы и раскола одни общественные группы не могут не распространять или не приписывать свои интересы другим группам, пытаются заставить либо признать их, либо поверить, что такие же интересы есть и у них.

Заканчивая, подчеркну, что в жизненной практике подмена интересов псевдоинтересами — обычное явление, поэтому угадывание последних так же необходимо, как и выявление интересов. Это возможно лишь на основании фундаментальных признаков данных образований. Если то, что квалифицируют как интерес, какому-то из них не соответствует, это означает, что мы имеем дело с псевдоинтересом. И самым надежным критерием различения между интересом и псевдоинтересом выступает генетическое основание — наличие потребности. Она-то и свидетельствует о существовании (или возможности) соответствующего интереса.

НИКОЛАЙ ШУЛЬГА,

доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии НАН Украины

Феноменология социально-групповых интересов

В данном выступлении хотелось бы обратить внимание на феноменологическую сторону социально-групповых интересов. Феноменологию мы рассматриваем как научный метод, концентрирующийся на познании первичных восприятий, первичного осознания и толкования субъектом форм проявления определенного явления. В этом контексте под феноменологией социальных интересов следует понимать такой исследовательский подход, который позволяет изучать уровень непосредственного восприятия, понимание социальных интересов самими субъектами, тот уровень осознания своих социальных интересов, который существует у них в определенный момент, а также общественное мнение, существующее сейчас в обществе по поводу интересов тех или иных социальных групп.

Такой подход делает возможным рассмотрение проблемы не только путем построения идеальных теоретических конструкций социальных интересов в их самоданности, не благодаря сущностному видению объекта, а через анализ тех проявлений интересов групп, с которыми мы непосредственно встречаемся в повседневной практике. Благодаря такому подходу наши представления о групповых интересах обогащаются тем аспектом, в котором присутствует процесс становления, формирования, субъективного конструирования, расшифровки, интерпретации этих интересов в сознании носителей.

Сложность формирования адекватных социальных интересов у членов групп в современном обществе заключается в том, что в связи с усложнением социальных отношений, их дифференциацией, уплотнением и интенсификацией, личность одновременно принадлежит ко многим социальным группам. В традиционных обществах социальная структура была стабильной, а в пределах человеческой жизни практически все время той же самой. Соответственно, и идентичности ее были более жестко заданными и четко очерченными, более масштабными и содержательно наполнен-

ными. Изменение социально-классовой или сословной идентичности в течение жизни личности было практически невозможно и, если случалось, то причислялось к случаям исключительным и девиантным. Сословно-классовый характер общества формировал такие социальные условия, при которых человек мог довольно уверенно прогнозировать свои социальные статусы для всех этапов своей жизни. В таких обстоятельствах социальные интересы группы оказывались гораздо прозрачнее и легче осознавались членами групп.

В условиях современного общества с развитым социальным разделением труда, охватывающим не только отдельное общество, но и все человеческое сообщество, с широко разветвленной, дифференцированной социально-групповой структурой — в таких условиях уже нет индивидов с жестко закрепленными социальными статусами. У человека появляется больше шансов для перехода из одной социальной группы в другую, для социального лифтинга, хотя, в принципе, определенная кристаллизованность социальной структуры общества не исчезает.

Для понимания социальных интересов субъектов в современном обществе одним из ключевых становится процесс их (субъектов) социальной самоидентификации.

Социальная многопозиционность личности ведет к формированию не только сложной ее идентичности, или ярко выраженной многоидентичности, но и к внутреннему противоречию личностной идентичности. Каждый из идентитетов личности не только позволяет ей чувствовать свою принадлежность к определенному сообществу, группе, но одновременно делает возможным ощущение и своего отличия от членов других сообществ в этом ряду.

В традиционном обществе различие людей на основе идентификации на “своих” и “чужих”, различие “мы” и “они” было более генерализованным, поскольку общество разделялось на несколько крупных социальных групп, в пределах которых существовали субгруппы. Сегодня же личность идентифицирует себя с множеством социальных общностей, которые часто имеют характер статистических групп и воспринимаются как равноуровневые, равнозначные. И это явление усложняет возможность осознания личностью иерархии социальных ценностей, а также создает множество смысловых препятствий на пути формирования ее групповых интересов.

Поскольку переходы между социально-классовыми, имущественными, образовательными, профессиональными и другими группами стали более возможными, более того, они знакомы человеку как благодаря примерам поведения других людей, так и на собственном жизненном опыте, то у него может появиться социальный интерес, связанный не только с той группой, к которой он сегодня принадлежит, но и с той, в которую он стремится попасть, той, что стала для него референтной. Такое практическое переплетение интересов ведет к усложнению феноменологии групповых социальных интересов. В современных обществах распространенными, массовыми, особенно под влиянием СМИ, становятся не только интуитивные, размытые, но и разного рода “запутанные” групповые интересы, псевдоинтересы: иллюзорные, внушаемые, субститутивные и т.п.

Одной из трудностей познания феноменологии социальных групповых интересов является то, что делает более выразительной специфику проявления таких социальных субъектов, как личность и группа. Особенно недостаточно исследованы феномены больших социальных групп. Чтобы изучить социальные интересы больших социальных групп, необходимо ясно и четко представить специфику группового субъекта в отличие от индивидуального, личностного, помня при этом, что любые психологические явления не существуют нигде, помимо психики личности. Также важно акцентировать внимание и на том, что интересы группового субъекта не тождественны совокупности индивидуальных интересов определенного множества людей, выделенных по какому-либо признаку. Групповой субъект образуется на основе наличия общих цели и задач группы; идентификации членов группы с группой; осознания на определенном уровне членами группы групповых интересов; на-

личия групповой солидарности (групповая идентичность еще не означает наличия групповой солидарности); формирования группового опыта и групповой памяти, а также механизмов их сохранения и трансляции; наличия групповой свободы и групповой ответственности.

Состояние и уровень развития каждого из указанных выше групповых феноменов влияют на состояние общегруппового сознания, кроме того все они влияют друг на друга. Развитость или атрофированность каждого из этих элементов формирует специфическое качество группового сознания. Каждый элемент может меняться и играет разную роль в больших группах разных обществ, формируя разные состояния групповых интересов. Например, без существования групповой памяти и группового опыта вряд ли можно предположить наличие развитых групповых социальных интересов. Дело в том, что если каждое поколение будет опираться только на собственный опыт, оно не сможет проникнуть вглубь своих интересов, полноценно их понять. Поэтому, с точки зрения успешности общественного функционирования большой социальной группы, очень важно создать и развить механизм сохранения групповой памяти, накопления группового опыта, а также его трансляции для последующих поколений.

Однако по мере изменения образа жизни людей при переходе к современному постиндустриальному обществу меняются значения и значимость группового опыта. Социальный опыт поколений, принадлежащих к определенным группам, изменяется наиболее существенно. Во-первых, он в определенном смысле утрачивает свою ценность, поскольку при нынешней динамике общественных процессов воспроизводимость жизненных ситуаций, в которых бы опыт предшествующих возрастных когорт пригодился сегодня, катастрофически сокращается. Во-вторых, сам социальный опыт уже не имеет той психологической и эмоциональной насыщенности, не наполнен навыками, как раньше, поскольку “опыт” в данное время сводится, по сути, к разовому переживанию определенной ситуации только данным поколением, и она не становится типичной, применимой к последующим поколениям, а превращается в уникальную.

В связи с этими изменениями и само явление опыта меняется. Нельзя сказать, что социальный опыт совсем не сохраняется. Однако характер его сохранения не остается неизменным. В данное время опытом, передающимся последующим поколениям, можно называть не те модели поведения, которые находятся на поверхности социального бытия, а те смысловые паттерны, которые заложены в сущности модели данного поведения и не являются видимыми на поверхности как самостоятельные. К их глубинной повторяющейся сущности можно проникнуть только значительными познавательными усилиями.

Таким образом, развитие осознания своих интересов членами больших общественных групп в постиндустриальном обществе проходит совсем иначе, чем, скажем, в индустриальном обществе. А отсюда вытекают и другие выводы, а именно: что для проникновения в сущность групповых социальных интересов необходимо анализировать особенности современного бытования всех основных общегрупповых феноменов — групповой цели, групповых задач, групповой солидарности, групповой памяти, групповой свободы и т.п.

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Реализация социальных интересов: механизмы и формы

Социальный интерес можно рассматривать как направленность социально детерминированной и осознанной потребности социальных субъектов (личности или

группы) на достижение определенных благ или статусов путем взаимодействия с другими). Следовательно, развитие и реализация социального интереса определяются линиями поведения под влиянием конфигурации личностных (групповых) приоритетов и предполагают: возникновение общей потребности определенной совокупности людей в материальных или нематериальных благах (заинтересованность); осознание ими этой потребности (степень удовлетворенности); выбор оптимального способа достижения этих благ с позиций ценностей и социального положения людей; и наконец, сама реализация потребностей определенным образом, выражающимся в конкретном поведении.

Важной фазой развития социального интереса становится его практическое воплощение. Реализация социального интереса, а именно выбор оптимального способа достижения этих благ с позиций ценностей и социального положения субъекта и его реальное поведение наглядно показывают единство субъективных и объективных аспектов этого феномена. Способы воплощения собственного интереса и согласованность их с нормативной системой общества определяют проблемное поле социологии в целом. Ведь в случае полной тождественности этих способов и общественных норм возникла бы проблема инновации и общественного развития. Однако существование явления несопоставимости социальных интересов с институциональными требованиями не только дифференцирует социетальную общность на определенные социальные группы, но и отличает национальные общества друг от друга, создавая межкультурную дифференциацию.

В объяснении механизма реализации социальных интересов, как и в целом любого поведения, можно выделить применение двух основных подходов — культуралистского и рационального выбора. Сущность *теории рационального выбора* (Э. Дарунс, М. Олсон, Г. Беккер, Д. Коулмен) заключается в том, что социальная среда, социальная ситуация структурирует альтернативы, по которым индивид должен принять решение, как действовать. Согласно этой концепции, общественная организация общества представляет собой аналог его экономической организации. Здесь действует принцип “максимизации выгоды”, когда участие гражданина в какой-либо акции возможно лишь при условии, что возможная выгода превышает затраты.

Теория рационального выбора вызвала ряд вопросов. Во-первых, актор должен уметь рассматривать все возможные варианты поведения и их последствия. К тому же он не может быть уверен в том, что у него достаточно информации об альтернативах. Во-вторых, акторы должны оценить последствия и ранжировать альтернативы с точки зрения полезности. Кроме того, неясной остается проблема взаимодействия индивидов в реализации своих интересов. Реализация групповых интересов в этом случае является результатом индивидуальных решений относительно участия в коллективных действиях для удовлетворения собственных интересов. Очевидно, что воплощение групповых интересов зависит от одновременного желания акторов воплотить собственные интересы в пределах определенного времени. Поэтому возникает проблема коллективных действий в реализации социальных интересов.

Однако остается вопрос: какие механизмы задействованы в реализации интересов больших групп. В этом ключе интересны замечания, сформулированные Гордоном Таллоком в “дилемме мятежника”. Оставаясь пассивным по отношению к масштабным акциям, например, мятежам, революциям и т.п., индивид в любом случае не проигрывает, даже если будет симпатизировать этим акциям. В случае, когда последствия мятежа окажутся успешными, его пассивное поведение не будет иметь решающего значения, и он будет пользоваться плодами победы, как и все участники событий. Если мятеж потерпит поражение, его потери будут незначительны, поскольку он не испытает репрессий со стороны режима. С другой стороны, участие в мятеже может предполагать частную сверхприбыль, когда индивид получит должность в новом правительстве. Кроме того, опять же, участие в мятеже может предполагать “психологические” выгоды: ощущение солидарности или удовлетворения вследствие самопожертвования ради справедливости. Только в таком случае на основе ран-

жирования преимуществ индивид принимает участие в рискованной акции. Однако проблема потенциальных мятежников становится очевидной, если вспомнить классическую “дилемму узника”, когда кооперация акторов не срабатывает из-за отсутствия взаимного доверия. Поэтому принятие решения об участии в радикальных акциях возможно скорее при условии небольшого риска быть наказанным.

Социокультурный подход оперирует с определенной общественной моделью поведения людей. Культурный контекст здесь понимается как совокупность способов отстаивания и реализации интересов, в частности идеи, ценности, нормы. Социальность в этом контексте предполагает совокупность взаимоотношений социальных субъектов. Социокультурный подход акцентирует внимание на исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах, когда социальное поведение объясняется влиянием больших социальных групп. Акцент ставится прежде всего на важности социализации при формировании социальной идентификации и социальных предпочтений, на возможности реализовать свой интерес, опираясь на определенные базовые ценности. Особенно это касается реализации социальных интересов больших групп или общностей. Отсутствие в социуме ценностей кооперации, солидарности вряд ли будет способствовать отстаиванию неэгоистических интересов.

Реализация социального интереса может осуществиться, если субъект осознает цель интереса и вероятные последствия своего поведения, которое должно быть тогда осознанным, а не инстинктивным. К тому же адресаты, невольные свидетели и участники, оказавшиеся в процессе взаимодействия и реализации интереса, поймут суть этого действия. То есть артикуляция интереса не должна противоречить нормам и ценностям группы. Условием эффективности таких действий является знание субъектом этих правил и норм и хотя бы частичное соответствие между его “культурной компетенцией” и компетенцией “одноруппников”.

Поскольку ценностные ориентации формируются и трансформируются в течение всей жизни индивида, то выяснение особенностей изменения ценностных ориентаций является важным звеном объяснения осуществления реализации социальных интересов. Перспективна в этом ключе теория относительной депривации, предложенная Тедом Гаром в работе “Почему люди бунтуют”. Относительная депривация (от англ. deprivation — лишение, потеря) определяется как восприятие актором (деятелем) различия между ценностными экспектациями и ценностными возможностями. Ценностные ожидания, по мнению Гара, — это блага и условия жизни, на которые, по убеждению людей, они могут в полной мере претендовать. Тогда как ценностные возможности — это блага и условия, которые, по мнению людей, они могли бы получать и удерживать. К реальному действию, в частности к политическому насилию, часто приводит крах надежд. Существуют три паттерна нарушения равновесия в обществе: 1) *нисходящая депривация*, когда ценностные экспектации остаются относительно устойчивыми, а ценностные возможности воспринимаются как снижающиеся; 2) *направленная депривация*, когда возможности остаются относительно статичными, тогда как экспектации возрастают или интенсифицируются; 3) *прогрессивная депривация*, когда происходит значительный и одновременный рост экспектаций и снижение возможностей. Именно последний паттерн объясняет механизм революций. Таким образом, скорее всего ускорение реализации социальных интересов возможно в случае возрастания ценностных ожиданий по отношению к определенным благам при одновременном снижении субъективного осознания возможностей воплощения этих ожиданий. То есть пассивная нереализованность социальных интересов может существовать при условии осознания того, что существуют каналы, через которые можно воплотить в жизни собственные притязания. И только осознание того, что эти возможности утрачиваются или сужаются, толкает людей к реальным действиям.

Подводя итог анализа подходов к изучению механизмов и форм реализации социальных интересов, можно выделить важные деятельностные альтернативы спосо-

бов воплощения этих интересов. Как теория рационального выбора, так и социокультурный подход указывает на проблему реализации групповых интересов, поскольку кооперация акторов требует взаимного доверия и сотрудничества. Здесь на первый план выступает склонность индивида решать проблемы индивидуально или с привлечением других людей. Не менее важна и склонность индивида действовать либо публично, либо не афишируя этого. Поэтому здесь стоит вопрос выбора легальных, прозрачных способов осуществления или теневых, неконвенциональных путей реализации собственных интересов. И наконец, проблема ощущения риска, которое обязательно предшествует решению действовать или не действовать, играет едва ли не решающую роль в реализации социальных интересов. Таким образом, операционализацию способов воплощения социальных интересов можно проанализировать на основании дихотомий: индивидуализм–коллективизм; конвенционализм–неконвенционализм; склонность к риску–неприятие рискованных действий.

АНДРЕЙ ЗОТКИН,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Властные интересы: определение понятий

Социальные интересы целесообразно рассматривать в привязке к иерархии потребностей. Если социальные интересы вариационно понимать как порождения имеющихся потребностей, следует прежде всего выяснить степень их удовлетворения (по иерархии Маслоу) в обществе и в его отдельных группах. Дальнейшее исследование может быть связано с уточнением преимуществ тех или иных механизмов для удовлетворения этих потребностей. Собственно, направленность субъекта на выбор определенного варианта решения проблемы, выбор механизма использования доступных социальных ресурсов для достижения конечной цели и будет социальным интересом. В таком контексте определение понятия “социальный интерес” приобретает следующую конфигурацию: *направленность субъекта на конкретный вид (вариант) деятельности для реализации (удовлетворения) имеющихся потребностей и достижения конечной цели в пределах доступных социальных возможностей, исходя из своего положения в социальной структуре*. По сути, это стремление субъекта улучшить, изменить или, наоборот, сохранить условия своего существования, своего социального положения на основе доступных социальных ресурсов и капиталов, исходя из своего видения проблемы. Основой формирования интереса является положение социального субъекта в социальной структуре, что, соответственно, и определяет его доступ к социальным ресурсам и капиталам, используемым как механизмы, как средства достижения конкретной цели. Поскольку при таком понимании социальных интересов они воплощаются в выборе вариантов достижения цели через социальные механизмы с их возможностями, положение в социальной структуре будет определять и само видение социальным субъектом имеющейся проблемы и реальных механизмов ее решения.

При таких условиях подхода к понятию “социальный интерес” эмпирическое исследование будет включать не только определение уровня удовлетворения потребностей, существующих у разных социальных групп, но и сравнение имеющихся у них социальных возможностей для достижения цели и приоритетов в использовании тех или иных социальных ресурсов и капиталов.

Поскольку конечной целью данного исследования являются властные интересы, предлагаю очертить их место в объеме понятия “социальный интерес” в виде логических кругов: интерес — интерес социальный — интерес политический — властный интерес. Политические интересы как составляющая интересов социальных отражают политические механизмы удовлетворения имеющихся потребностей. Любая общест-

венная проблема приобретает политический характер, если она связана с интересами социальных групп или общества в целом, и требует для ее разрешения использования механизмов государственной власти. Политики без интересов не бывает. Поэтому ее можно определить в этом контексте как сферу деятельности, связанную с реализацией потребностей и интересов индивидов, социальных групп, классов, наций, общества в целом, ядром которой является государственная власть. Итак, *политические интересы — это проявление разнообразных по своему смыслу неполитических интересов, предполагающих изменение существующего состояния с использованием политических ресурсов*. Так, политический интерес может возникнуть на базе экономического интереса, но в итоге не сводится к нему. Например, улучшение условий и повышение оплаты труда рабочих металлургических предприятий, сохранение социальных льгот пенсионерам, решение проблем трудоустройства студенческой молодежи, защита частной собственности на крупные предприятия, снижение налогообложения на доходы коммерческих банков в целом имеют единую конечную цель — улучшение социального положения конкретных социальных субъектов. Как вариант, для удовлетворения имеющихся потребностей обозначенные выше социальные субъекты могут выбрать политические механизмы. В первых трех случаях субъекты (рабочие, пенсионеры, студенты) скорее всего выберут такие политические механизмы, как электоральная поддержка определенных партий, обращение в органы государственной власти и в неправительственные организации, массовые проявления недовольства (забастовки, митинги и т.п.) и неповиновения (блокирование конкретных организаций, несоблюдение определенных правил и т.п.). Для двух последних групп (владельцы крупных предприятий и банкиры) более логичным будет выбор политических механизмов лоббирования выгодных им законопроектов и постановлений, проведение информационной кампании в средствах массовой информации, поддержка определенными ресурсами конкретных политических субъектов (политические партии, общественные лидеры, должностные лица и др.). Разумеется, приведенный пример весьма схематичен и не отражает всего разнообразия возможных вариантов выбора политических механизмов, но даже в общих чертах он дает основания очертить наше понимание понятия “политический интерес”. Таким образом, стремление представителей разных социальных классов, слоев, групп к улучшению своего положения в социальной структуре путем выбора той или иной модели взаимоотношений между государством и обществом (авторитаризм, солидаризм, либерализм), системы социально-экономических отношений (социализм, капитализм) можно рассматривать как политический интерес.

Кроме того, следует заметить, что большое значение в осознании и формулировании политических интересов социальных групп имеют “идеологические посредники” (прежде всего партии), которые могут либо актуализировать отдельные интересы, либо камуфлировать их, переводить в состояние неосознаваемых. Для сферы политических интересов также целесообразно привлечь понятие “группы интересов”: добровольные объединения, формирующиеся с целью выражения и защиты своих политически значимых интересов во взаимоотношениях с государством и другими политическими институтами.

Властные интересы связаны с удовлетворением не только основных, но и высших потребностей (самоуважение и самоактуализация, по иерархии Маслоу). Они присущи лишь тем высококвалифицированным социальным группам, которые имеют достаточно высокий уровень внутригрупповой интеракции, четко осознают свои политические интересы и имеют конкретные представления о механизмах их реализации (то есть не только властным элитам, но и контрэлитным группам, стремящимся получить власть). Таким образом, *властные интересы — это реализация социальными субъектами целей по получению, использованию, удержанию механизмов реальной власти*. К властным интересам также необходимо отнести и стремление к увеличению объема использования реальной власти (расширение полномочий, контроль над механизмами распределения ресурсов и капиталов).

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

доктор социологических наук, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социальные интересы в общественно-политическом дискурсе

Как мы увидели в результате обсуждения, исследовательское поле, открывающееся при изучении социальных интересов, достаточно широко. Оно определяется тем, что, в отличие от потребностей, живущих только внутри субъекта, интересы в артикулированной форме становятся объективируемым элементом социального пространства. О потребностях других субъектов нам может быть что-то известно, но мы не можем их защищать или выражать, что вполне допустимо в отношении интересов этих субъектов. Очевидно, это становится возможным именно благодаря тому, что интерес можно понимать как оценочное отношение субъекта к любым элементам социального пространства, на основании которого структурируется субъективная социальная реальность. В своем выступлении мне хотелось бы затронуть проблему интересов как фактора структурирования социальной реальности, которое создается в общественно-политическом дискурсе. Именно здесь представители основных политических сил, претендующих на роль выразителей интересов определенных социальных групп, главным образом и артикулируют социальные интересы разных субъектов. Чтобы выяснить, чьи же интересы прежде всего представлены в современном публичном дискурсе, и определить формы их презентации, я обратилась к анализу трех разных источников. Это программы партий, где обозначены те группы, интересы которых пытается представлять партия. Это стенограммы заседаний первой сессии Верховной Рады Украины шестого созыва и стенограммы передачи “Свобода Савика Шустера” за сентябрь 2007-го — январь 2008 года, где в процессе обсуждения разных вопросов представители политических партий позиционируют себя как представителей интересов разных социальных групп. Сравнительный анализ показывает, что между декларируемым в программах и артикулируемым в дискуссиях весьма существенная разница. От защиты интересов определенных социальных групп представители разных политических сил довольно быстро переходят к защите собственных политических интересов.

Но сначала рассмотрим то, что декларируется. Вне конкурса у всех политических сил декларация желания защитить интересы как можно более широких слоев. Однако эта претензия весьма иллюзорна. Так, по данным всеукраинского репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологии в 2007 году, партии могут претендовать лишь на то, чтобы представлять интересы собственных избирателей. Те, кто голосовал за определенную политическую силу, как правило, считают, что именно она выражает интересы населения страны. Единственное исключение составляет Коммунистическая партия, которую считают выразителем интересов населения примерно вдвое больше респондентов, чем за нее реально голосует (около 12%). Это и не удивительно, учитывая ее четкое позиционирование как защитницы народных интересов еще с советских времен.

Оказывается, что в общественно-политическом дискурсе довольно четко номинируются два типа субъектов: те, чьи интересы противоречат интересам народа, и те, кто представляет сам народ, а значит, может рассматриваться как носитель социального интереса.

Субъекты первой группы рязнятся в номинациях разных политических сил. Так, в программе КПУ называются такие носители враждебных народу интересов, как “империалистическая буржуазия”, “борцы за независимость”, “украинские (российские) буржуазные лидеры”. В программе партии “Батьківщина”, наоборот, к тем, кто стремится удовлетворить собственные интересы за счет интересов народа, относят “прокучмовское большинство” или “кланово-олигархический режим”. Очень часто представители разных политических сил причисляют к этой группе своих политиче-

ских оппонентов. Способ презентации этих интересов в дискурсе практически одинаков — их разоблачают. В качестве примера приведу цитату из программы КПУ: “Оторванная от острых проблем бытия людей труда и прямо противоположная их интересам, эта [национальная] идея обнаружила свою недееспособность и не получила поддержки народа, а буржуазные националисты снова проявили себя злостными организаторами беспрецедентного кризиса в Украине”. Аналогично в программе “Батьківщини” представляется прокучумовское большинство, которое “заботилось о собственных интересах” и, вместе с тем, “отстранило народ от возможности отстаивать и защищать свои интересы”. Соответственно в дискурсе имеем оппозицию “свои–чужие”, которая образуется через приписывание разным группам противоположных интересов.

Субъекты, интересы которых артикулируются в так называемом положительном контексте, представлены в общественно-политическом дискурсе гораздо шире. В этом качестве выступают прежде всего большие социальные группы: “народ” (“весь украинский народ”); “все общество” (“самые широкие общественные слои”, “люди”, “граждане”); “все регионы” (конкретные регионы, местности, их жители, территориальные общности); “все трудящиеся” (“люди труда”, “рабочий класс”, “крестьяне”, “наемные работники”); “ветераны войны и труда”; “женщины”; “молодежь”; “военнослужащие”; “верующие”; “члены разных общественных организаций”; и наконец, группа “избирателей”, объединяющая всех участников политического пространства. Индивидуальным носителем интересов выступает в дискурсе обобщенная фигура “простого человека”. Кроме того, обобщенные общественные интересы артикулируются путем выделения в дискурсе интересов “государства”, “нации”, “страны”, “Украины”.

В той или иной форме названные субъекты присутствуют в общественно-политическом дискурсе практически всех партий. Причем там, где речь идет об интересах “народа”, все партии жаждут (пытаются) их защищать. Вместе с тем способы презентации интересов других социальных групп различаются у разных партий. Например, для КПУ главным способом презентации служит “защита интересов”. Она также является единственной партией, в дискурсе которой зафиксирована цель “бороться” за чьи-то интересы. Показательно, что несмотря на всю радикальную риторику, коммунисты артикулируют довольно сдержанную позицию по отношению к группам, интересы которых идеологически противоположны интересам “людей труда”. В частности, интересы богатых они “учитывают”. Характерно, что эта партия апеллирует исключительно к групповым интересам. В документах и выступлениях представителей этой политической силы ни разу не появляется такой субъект, как “простой человек” или “каждый человек”. Специфический представлен в их дискурсе и обобщенный интерес. Коммунисты оперируют только интересами “страны”, не используя понятий “интересы государства” или “национальные интересы”.

Совершенно иной способ артикуляции присущ дискурсу Партии регионов. Хотя она также декларирует “защиту” интересов народа, главная тональность этого дискурса определяется тем, что Регионы чьи-то интересы “представляют” или “выражают”. Декларируется и то, что они “понимают” интересы, “заботятся” о них, “согласуют” интересы разных социальных групп. Если коммунисты демонстрируют “наступательный” дискурс, то дискурс Регионов скорее “миротворческий”. Весьма показательно, что круг субъектов интересов, которые пытаются представлять представители этой партии, очень широк, они артикулируют как интересы разных групп, так и интересы “простого человека”. Вместе с тем в их дискурсе отсутствуют такие субъекты, как “рабочий класс”, или “трудящиеся”. Меньше всего апеллируют к групповым интересам представители НУ–НС. Они предпочитают в первую очередь обеспечивать интересы “простого человека” или представлять обобщенный интерес “нации”, о котором они “заботятся”. Наконец, БЮТ демонстрирует смешанный дискурс, в котором сочетаются тенденции “защищать интересы” и, вместе с тем, их “согласовывать”.

Итак, наш краткий экскурс показывает, что категорию “социальный интерес” следует изучать не только в плоскости установок и действий разных субъектов. Социальные интересы являются важным элементом общественно-политического дискурса, а изучение способов их презентации позволяет получить новое знание о главных участниках политического процесса.

НАТАЛИЯ БОЙКО,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Проблема актуализации демократических установок в общественном интересе современной Украины

Большинство современных исследователей, работающих в сфере социальных наук, сегодня оперируют категорией “интерес”, что, безусловно, свидетельствует о многомерности и глобальности категории и об актуальности теоретических исследований, направленных на систематизацию содержания понятия “интерес” как научной категории.

Однако сложность и многогранность данной категории, о чем свидетельствуют и выступления участников нашего круглого стола, приводят к тому, что среди ученых-гуманитариев нет единства мнений в понимании природы и генезиса “интереса”. Это, на мой взгляд, обуславливает и тот факт, что данная проблематика до последнего времени не была приоритетным предметом обществоведческих и гуманитарных исследований. Поэтому общение разных специалистов в плане рассмотрения проблематики социального интереса, в частности в рамках круглого стола, считаю весьма уместным.

Как мы уже видели, интерес можно рассматривать и как “совокупность важнейших стимулов”, и как “элемент мотивационно-потребностной сферы”, и как “ориентацию личности, группы, социального слоя”. Иными словами, в разных предметных областях категория получает свое специфическое содержание, что свидетельствует как о многоплановом характере самого феномена, так и о недостаточной теоретической разработанности категории “интерес” в современном научном дискурсе.

В контексте изучения социального интереса в рамках социологической проблематики можно говорить о наличии целого ряда актуальных проблем в осмыслении сущности феномена социального интереса, специфических особенностей его существования и развития, приобретения им новых свойств и черт в условиях современного общества.

Замечу, что социальный интерес, на мой взгляд, служит основой интеграции в общество. Понимая социальный интерес как определенный мотивационный фактор, побуждающий к определенной социальной деятельности в контексте социального развития, считаю, что важным социальным интересом современного украинского общества является укрепление ростков гражданского общества, демократического строя государства. Исследование этого процесса предполагает рассмотрение демократических установок как элемента мотивационно-потребностной сферы, а социального интереса — как эмоционально насыщенной формы проявления такой социальной потребности, побуждения к определенному действию, деятельности, поведению. Необходим также анализ социального интереса по содержанию, то есть по предметной отнесенности и по глубине, укорененности его в системе потребностных отношений.

Рассматривая эту проблему, следует заметить, что “социальный интерес” имеет двойственный характер, то есть выполняет две функции. Так, в контексте рассмотрения глобальных стремлений человека интерес выступает побудителем, заставляющим действовать. А в контексте рассмотрения деятельности, например, полити-

ческих, социальных или экономических оппонентов интерес предстает как цель действий коллектива, группы.

Необходимо также акцентировать внимание на размежевании интересов, выделенных еще Юмом в работе “Трактат о человеческой природе”. В частности, можно различать интересы, “ограниченные” узким кругом людей, сотрудничающих именно потому, что они способны распознать общую цель, и, с другой стороны, интересы, охватывающие многих индивидов, которые не в состоянии уловить значимость этих интересов (то есть неосознаваемые, нераспознанные). Индивиды с готовностью присоединялись бы к общему интересу (public interest), отмечал Юм, если бы могли распознать интерес, отдаленный во времени и далекий в пространстве, если сравнить с неоспоримым, немедленным и непосредственным чувственным восприятием. Отмечу, что решение заключается в том, чтобы найти изменяющуюся в зависимости от обстоятельств точку соприкосновения между желанием отдельного человека (того, кто реально “заинтересован”, то есть имеет субъективное желание) и его объективным интересом, отвечающим интересам общества, в котором он живет.

Таким образом, можно выделить распознанный и нераспознанный интерес, интерес, выступающий движущей силой действия, и интерес, являющийся конечной целью действия, объективный и субъективный интерес. Такое различие необходимо учитывать при изучении вопросов вхождения демократических установок в круг актуальных интересов членов общества, в частности в случае исследования меры и качества такого вхождения. Кроме того, замечу, что для исследования важно различить два типа противоположных интересов. Это “общий интерес”, или интерес страны, государства, нации и т.п., и интересы “частных лиц”.

Казалось бы, демократическое развитие должно составлять и общий, и групповой, и частный интерес — то есть речь идет об общественном интересе всего украинского общества (при объективном понимании демократического строя).

В принципе, демократизация — это не только средство достижения какой-либо цели и реализации интересов, это и самостоятельная цель, и самодостаточный интерес развития. Теоретически — да и согласно здравому смыслу — демократизация отвечает социальным ожиданиям и интересам общества и гражданина.

Но, к сожалению, сегодня еще трудно говорить о безусловно положительном развитии общества в направлении всеобъемлющих демократических преобразований в стране, и в первую очередь это касается именно качественных показателей таких изменений.

Объективно можно говорить о ликвидации партийной монополии на власть, внедрении политического и идеологического плюрализма, многопартийности, новой реально действующей избирательной системы и формировании гражданского общества. Однако такой переход от авторитарной системы к демократической связан со значительными трудностями, причем далеко не теоретического характера. Отсутствие необходимых знаний и навыков, опыта в формировании и отстаивании (защите) своих интересов, слабая законодательная база, перекосы в разделении полномочий в структуре власти не способствуют утверждению демократических начал в сознании граждан и превращению демократических принципов и ценностей в прерогативу развития, составляющую их главный социальный интерес.

Замечу, что в обществе ничего не делается без человеческого интереса: все, что происходит в общественной жизни, — и плохое, и хорошее, — это проявление чьего-то интереса. Обычно интересы отдельных людей сталкиваются и нивелируются во взаимной борьбе, но поскольку интерес любой общности людей представляет собой сочетание и интеграцию интересов всех индивидов, образующих данную общность, важно определить именно эту исходную категорию — интерес индивида, личности. На мой взгляд, это соотносится с возможностями демократического развития общества. Демократическая система будет продуктивной лишь тогда, когда ее элементы и принципы войдут в сферу реальных интересов разных членов данного общества — как групп, так и отдельного человека.

НАТАЛЬЯ СОБОЛЕВА,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социальные интересы в контексте ценностного сознания

Характерной чертой современного социального развития нашего общества является смена ценностных систем на макро-, мезо- и микроуровне и, соответственно, формирование нового ценностного пространства. Следовательно, необходимым условием функционирования социума становится задача согласования социальных интересов субъектов социальных изменений как основы всех социальных взаимодействий в период реформирования и трансформаций. Анализ процессов социальных трансформаций современного украинского общества предполагает исследование этой проблемы в единстве социетального, институционального и собственно социологического и социально-психологического подходов.

Проблема социальных интересов в той или иной форме постоянно пребывала в фокусе внимания отечественных и зарубежных ученых. Разрабатывались понятийный аппарат и различные классификации социальных интересов, предпринимались достаточно эффективные попытки эмпирического изучения интересов отдельных социальных групп и т. п. Тем не менее в этом исследовательском поле осталось много недостаточно разработанных вопросов. В частности, особую актуальность в настоящее время приобретает проблема рациональности социальных действий применительно к украинским условиям. Иными словами, речь идет об исследовании процессов формирования и согласования интересов социальных субъектов различного уровня, изучении того, каким образом эти интересы осознаются, вербализуются и декларируются, какие действия и средства планируются акторами для их реализации в практической плоскости. На макроуровне эти факторы определяют как перспективу, так и саму возможность формулирования конструктивной общенациональной программы преобразований и ее последующей реализации, на микроуровне эти факторы выступают важнейшими детерминантами организации повседневной жизни людей, проявляясь в их общих ориентациях и мотивации действий, в изменении характера субъектности в направлении расширения свобод и самостоятельности рядовых членов общества.

Столкновение разноплановых социальных интересов, существенно обострившееся в период развала прежней системы, обусловило новую конфигурацию конфликтов, которые приобрели многополюсный и разноаспектный характер. Серьезной проблемой для нашего общества, в большой степени обуславливающей пролонгацию системного кризиса, стало отсутствие легитимных макросубъектов, то есть носителей и выразителей интересов общества в целом, а также несформированность и конфронтация интересов субъектов, действующих на мезоуровне. Несогласованность во взаимодействиях субъектов различного уровня углубляет общую кризисную ситуацию. Личная ситуация на микроуровне остается неблагоприятной, поскольку индивидуальному актору трудно найти свое место в нынешней неопределенной социальной системе, которая вовлекает в активное функционирование весьма ограниченную часть общества. Поэтому усилия отдельных инициативных субъектов на микро- и мезоуровне или социальных групп, объединенных общими групповыми целями в отдельной жизненной сфере, не могут разрешить кризисную ситуацию в масштабе страны и консолидировать общество в целом.

Мотивация действия (направленность мотивов принятия решений и характер вербализации поступков) усложняется в зависимости от уровня субъектности. Более высокие уровни действия имеют и более сложную структуру опосредований мотивации, а потому менее прозрачны для понимания природы их социального поведения и менее доступны для эмпирического исследования. Если на уровне повсе-

дневности оперирование властными ресурсами не выходит за пределы индивидуальных или семейных интересов, то уже на мезоуровне расширение властных полномочий обуславливает необходимость гораздо более сложного согласования действий и учета интересов и возможных реакций партнеров и контрагентов. На макроуровне, где несопоставимо возросший объем власти позволяет распоряжаться огромными социальными ресурсами, во много раз увеличивается сложность учета, с одной стороны, интересов сотрудничающих и противодействующих субъектов, а с другой — социальных последствий принимаемых решений. Возрастает также роль “нравственного обеспечения” таких решений, влияющих на дальнейшее развитие и консолидацию общества в целом.

Практически все этические учения и моральные доктрины декларировали приоритет ценностей, принципов, различного рода долженствований, тогда как субъективным интересам, предпочтениям, желаниям отводились подчиненные, второстепенные роли. Однако в действительности миром правят прежде всего интересы (“ищи, кому выгодно”, как формулировалось еще в римском праве), интересы политики, экономические, классовые, национальные и пр. Индивиды ежедневно пребывают в поисках денег и товаров; фирмы ищут дешевые ресурсы и рынки сбыта; политические партии озабочены приобретением более широких возможностей в структурах власти; государства и блоки государств реализуют свои интересы в политической, экономической, военной сферах.

Каково же соотношение ценностей и интересов? *Ценности определяют то, что мы должны делать, а интересы — то, что мы хотим делать.* Ценности также, как и интересы, могут объединять отдельных индивидов в группы. Однако те или иные ценности и интересы принимаются далеко не всеми членами сообщества, в рамках которого они функционируют, то есть и ценности, и интересы по большей части не являются всеобщими по принадлежности. А вот ценности, в отличие от интересов, всегда являются всеобщими по содержанию. Иначе говоря, в своем смысловом содержании ценности не привязаны ни к отдельному индивиду, ни к группе людей, ни к какому-либо сообществу. Ценности — это всегда чьи-то ценности по принадлежности, но ценности “вообще” по содержанию. Интересы всегда соотносятся со своими носителями как по принадлежности, так и по содержанию.

Во всех групповых и индивидуальных интересах можно реконструировать обособившие их ценности, но сами по себе интересы не могут быть предельными нормативными основаниями сознания и поведения людей. Ценности разного уровня как бы просвечивают в интересах, являясь *смысловыми инвариантами интересов* и в то же время их основаниями. Интересы же выступают не основаниями, а причинами и побудительной силой активности. Однако истинное содержание частных интересов зачастую успешно маскируется за счет декларативных апелляций к ценностям более высокого уровня, или ценностям универсалиям.

Понимание сущности социальных интересов, их реального содержания в тех или иных условиях связано с осмыслением субъекта — носителя интересов. В онтологическом смысле интересы заданы объективно, а в гносеологическом — они субъективны, поскольку все зависит от их понимания и осмысления субъектом. Необходимо учитывать особенности формирования и конструирования интересов и вариантов их интерпретаций. Социальные интересы задают условия активности самих социальных акторов.

Таким образом, интересы существуют в контексте ценностного сознания, являются психологическими и социальными носителями тех или иных ценностей, как правило, не собственно моральных, но вместе с тем они могут поддаваться моральной оценке в ходе экзистенциальных сопоставлений и принятия соответствующих решений.

ЛИДИЯ СОХАНЬ,

доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Общественное служение как жизненное кредо личности: к постановке проблемы

Проблему воплощения социальных интересов в жизнедеятельности личности я намереваюсь рассмотреть сквозь призму феномена общественного служения. Такой подход правомерен, если исходить из того, что социальный интерес, как обоснованно утверждал А.Адлер, “служит основой интеграции в обществе и устранения чувства неполноценности”. Расшифровывая свое понимание социального интереса, ученый подчеркивал готовность к вкладам в общее благосостояние, к проявлению доверия, заботы, сочувствия, близости, к ответственному выбору, сотрудничеству и включенности, наконец, к творчеству, то есть потребность в общественном служении, имплицитно заложенную в социальном интересе как специфическом социальном образовании.

Под общественным служением в этом контексте понимается такой тип деятельности личности, который не просто направлен на удовлетворение определенных интересов других (человечества, Родины, определенных социальных общностей и значимых индивидуальных участников социального взаимодействия), но и мотивируется стремлением человека принести пользу другому, что и составляет его жизненное кредо. Очевидно, что сложное социальное поведение человека не имеет однолинейной направленности. Мотивация реального поведения нередко имеет многоаспектную структуру, где переплетаются мотивы разного уровня социальной заданности.

Субъектом общественного служения может выступать как социальная общность, так и конкретная личность. Жизненное кредо личности интерпретируется как ключевая смысложизненная установка, отражающая ее жизненные ценности и желания и накладывающая свой отпечаток на реальную жизнедеятельность личности, определяя ее главные жизненные выборы. О жизненном кредо можно говорить только применительно к социально и психологически зрелой личности, осуществляющей свою жизнь в соответствии со своими жизненными установками. У личности, которая не достигла определенного уровня зрелости, которая пребывает в состоянии аномии, ее представления о мире и себе имеют аморфный характер, а установки и техники поведения носят преимущественно ситуативный характер.

Обращение к проблеме общественного служения как жизненного кредо личности ставит нас перед необходимостью преодоления определенного скепсиса в отношении феномена общественного служения. В нашей культуре довольно прочно укоренилась идея о том, что “общественное служение” — это миф, маска, которую надевает на себя социальный актер, чтобы завуалировать свои, порой не чистые, корыстные интересы. Эту идею всячески подпитывает и то, что можно наблюдать в сфере политики и политиков, в деятельности которых ссылки на “служение обществу” или “служение своему народу” выглядят, к сожалению, зачастую своеобразным камуфляжем. Политическая система, сошедшая с нашей политической арены, оставила после себя солидное наследие такого сорта. Однако и новая власть, и новое поколение политиков щедро пополняют багаж скептицизма насчет идеи общественного служения.

Скепсис, о котором идет речь в данном случае, усиливается и за счет продуктов массового и индивидуального сознания, а также в результате реального нынешнего положения граждан страны, вынужденных жить в условиях глубокого общественного кризиса, резкого снижения жизненного уровня большинства населения страны, криминализации и коррумпированности общества и неминуемого, в силу всего

этого, падения доверия ко всем институтам власти, погружения в сугубо частную жизнь, нарастания индивидуализма.

Очевидно, что из-за негативного восприятия человеком общества, в котором он живет, у него возникает стремление дистанцироваться от такого общества, замкнуться в кругу своего непосредственного повседневного существования. Тем более, что негативно оцениваются и моральные качества людей, способных, по мнению населения, солгать, чтобы продвинуться по служебной лестнице, совершить нечестный поступок ради собственной выгоды. Однако исторический опыт, в том числе и новейшего времени, свидетельствует о том, что по мере продвижения общества от состояния хаоса к определенному социальному порядку в обществе в разных институтах и в индивидуальной деятельности отдельных людей усиливается практика обращения к тем или иным формам общественного служения.

МАКСИМ ПАРАЩЕВИН,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Религиозные группы в поле социальных интересов

Социальные интересы того или иного субъекта (личности или группы) как интересы, связанные с социальным положением этих субъектов, реализуются через деятельность разных социальных групп, а также, в свою очередь, частично и определяют этими группами. Например, религиозные группы, как и другие социальные группы, если они хотят сохранить свое положение, активно действуют в направлении обеспечения и защиты общегрупповых или индивидуальных интересов разной направленности — экономических, политических, духовных и собственно социальных.

Однако не нужно забывать, что значение религии для направления и характера интересов социальных субъектов в целом и социальных интересов в частности социокультурно обусловлено и исторически изменяется. В древних и средневековых обществах интересы социальных групп и индивида в значительной мере обуславливались влиянием религиозных компонентов сознания. По мере перехода обществ от средневекового холизма к капиталистической дифференциации и многообразию, утраты религией своей монополии на объяснение мира и формирование мировоззрения, социальные интересы все больше формировались под влиянием нерелигиозных, секулярных составляющих. Поэтому сразу же встает вопрос о способности в современном глобализованном, информатизированном, гедонизированном мире разнообразных религиозных групп к защите и обеспечению реализации своих социальных интересов. Безусловно, эта способность зависит от влияния этой группы в обществе, ведь без такой влияния защита своих интересов либо невозможна, либо существенно ограничена. В свою очередь, мера влияния в обществе зависит от: 1) численности членов религиозных групп; 2) социальных позиций этих членов (идет ли речь о маргинальных слоях или тех, что имеют определенный вес в обществе); 3) меры влияния этой группы на деятельность своих членов. Именно эта способность религиозных групп к влиянию на действия своих членов в современных обществах и подвергается сомнению.

Сегодня весьма распространенными (хотя в той же мере оспариваемыми) являются представления, которые в течение последних нескольких веков (фактически начиная с разрушения средневекового мира и становления капитализма) в обществах христианского мира происходил процесс секуляризации, результатом которого стала утрата религией ее былой социальной роли, превращение ее преимущественно в дело личного выбора, переход ее в частную сферу жизни. Однако тезис о доми-

нировании в обществе секуляризационных тенденций до сих пор проблематичен, а роль религии в обществе остается неоднозначной.

Так же возникает вопрос, каким образом и в какой мере религиозные убеждения или сама принадлежность к определенной религиозной организации (имеющей собственные интересы) определяют интересы личности. Ведь религиозный человек периодически попадает в ситуации, когда требования жизни или социального окружения входят в противоречие с собственно религиозными интересами. И появляется потребность в согласовании этих нетождественных интересов. Понятно, что в таких случаях возможны три пути: 1) ориентация сугубо на религиозные интересы с отказом от действий или отношений, которые им противоречат; 2) временное “забвение” своих религиозных интересов и действия в соответствии с текущими социальными, экономическими и другими интересами; 3) попытка найти компромисс между религиозными и секулярными интересами. На первый взгляд может показаться, что в современных светских обществах реализуется преимущественно второй или третий сценарий. Но реальность не так однозначна. Религиозные интересы по сей день могут влиять на предпочтения, касающиеся круга знакомых и друзей, выбора работы, политических убеждений.

Итак, одной из составляющих исследования поля социальных интересов групп и личности является изучение места в этом поле религиозных групп и организаций. И здесь вырисовывается несколько направлений такого исследования. Во-первых, деятельность религиозных групп в поле социальных интересов можно рассматривать по крайней мере с двух сторон. С одной стороны, сами религиозные группы как целостность постоянно борются за сохранение или улучшение своего положения в обществе (то есть религиозная группа выступает субъектом социального интереса). С другой стороны, принадлежность человека к религиозной группе является одним из ресурсов обеспечения определенного социального положения этого индивида (то есть религиозная группа выступает объектом социального интереса личности). И необходимо учитывать обе эти стороны.

Во-вторых, реализация социальных интересов религиозной группы может происходить как в форме мирного взаимодействия с другими социальными группами, так и в форме конфликта. Причем эти конфликты могут возникать как в плоскости религиозная–нерелигиозная группа/организация, так и в плоскости межрелигиозного конфликта.

В-третьих, необходимо иметь в виду, что в деятельности религиозных групп обычно переплетаются интересы собственно религиозных (связанных с отношениями человека или группы со сферой священного, божественного) с интересами светскими. Соответственно есть необходимость в определении веса каждого из этих интересов, в изучении того, в какой мере социальные интересы разных социальных групп и индивидов связаны собственно с религией, ее установками, ценностями, идеалами, требованиями. Причем это следует делать отдельно для: 1) групп людей религиозных, принадлежащих к определенным религиозным организациям, и 2) для групп религиозных людей, которые, тем не менее, не принадлежат к религиозным организациям.

В таком исследовании необходимо также различать секуляризованное общество европейской цивилизации и те общества, где значение религии для социализации и повседневной жизни человека остается важным (мусульманские, латиноамериканские, африканские страны). Но для этих последних обществ тоже необходимо определить степень влияния религиозных элементов на содержание социальных интересов. Те интересы, которые на первый взгляд кажутся религиозно обусловленными, в действительности могут иметь истоки в родовых, политических, нерелигиозных социокультурных сферах.

РИММА АНУФРИЕВА,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Интересы в структуре жизнедеятельности пожилых людей

Прежде чем приступить к изложению основных тезисов заявленной темы, хочу сделать несколько замечаний по поводу рассмотрения становления категории “социальный интерес”, а также изменения в ее содержательном наполнении в наше время.

В предыдущих выступлениях уже звучала мысль о фундаментальности категории “социальный интерес”. Отмечалось и отсутствие единого мнения социологов в понимании природы и характера социального интереса, его содержания. Мы видели, что социальный интерес рассматривают и как совокупность важных стимулов социального поведения, и как ориентацию личности, социальной группы, слоя, и как осознанные потребности, реальные причины действий, событий, свершений, то, что стоит за внутренними побуждениями (мотивами, помыслами, идеями) индивидов, социальных групп, классов, участвующих в этих действиях. Процесс становления социального интереса как социологической категории осуществлялся довольно постепенно: сначала доминировал процесс овладения качественными характеристиками этого феномена и его количественными проявлениями, и уже потом социологическое знание вышло на путь определения закономерностей, принципов исследуемого явления, сформировались предпосылки его социологического видения. Кроме уже упоминавшихся в предыдущих выступлениях подходов хотелось бы напомнить о трактовках социального интереса с позиции циклизма (П.Сорокин), соборности и духовной всеобщности (В.Соловьев, Н.Бердяев), анархизма (М.Бакунин, П.Кропоткин).

Но несмотря на серьезные наработки теории интереса и его толкование разными исследователями в течение длительного исторического периода, в итоге с позиций сегодняшнего дня очевидно, что это не дает целостного социологического знания исследуемой проблемы. И это понятно, поскольку трансформационные процессы, происходящие в современном украинском обществе, их эффективность в значительной мере зависят от понимания содержания интересов, а также определения динамики межгрупповых и межличностных взаимодействий. Создавая свою модель социального развития в условиях мировых трансформаций, украинское общество пытается справиться со сложностью и динамической противоречивостью общественных процессов, преодолеть дисбаланс интересов на всех уровнях общественного развития. Особую актуальность проблема социального интереса приобретает в плоскости глобализации, когда отношения между слоями и группами людей формируются на основании многих социальных критериев и факторов, и потому частично пересекаются, интергруппируются, приобретают динамичность.

Одним из важных условий поступательного развития современного украинского общества, укрепления государства остается согласование, сочетание разнообразных интересов — личных, национальных, общечеловеческих. Таким образом, можно констатировать, что существует социальный заказ на изучение обществоведами специфики социальных интересов на современном уровне развития социологического знания.

По мнению многих исследователей, социальный интерес порождает широкую гамму внутренних интересов и мотиваций личности, стимулирует ее саморазвитие. Вся жизнедеятельность личности насыщена разного рода интересами — личностными, частными, общественными и т.п. Для отнесения тех или иных интересов к сфере жизнедеятельности личности важна не только градация этих интересов как объективного факта, но и раскрытие личностного смысла, мотивационного и эмоционального фона этого явления в жизненном мире личности. То есть в какой-то мере можно определить интерес как состояние, пронизанное положительными эмоция-

ми, стремлением человека обеспечить доступ к объекту жизнедеятельности. Это сложная форма выборочной деятельности личности, в которой особым образом воплощаются и переплетаются ее познавательные, эмоциональные и волевые качества.

Человеческая жизнь, жизнедеятельность как многогранный, динамичный процесс охватывает возрастные и социальные изменения личности, ее психологические и моральные коллизии. Но во всей своей многомерности это движение не является хаотичным, оно является осознанным, организуя саму личность в пределах ее жизненного пути. Так, в период приближения старости четко осознается комплекс изменений, связанных с социальными коллизиями — выход на пенсию, проблемы семейных отношений, социальные ролей, социального престижа. Изменения, происходящие на уровне индивида, заключаются в том, что у пожилых людей снижается социальная и биологическая активность, трудоспособность, производительность деятельности, ухудшается самочувствие. Усложняются изменения на уровне личности, затрагивающие систему отношений человека к себе и к окружающим его людям. При этом наблюдается существенное снижение самооценки, неудовлетворенность собой, неуверенность в своих силах, сужение круга интересов, вплоть до направленности их исключительно на самого себя. Таким образом, большое значение приобретает социальный фактор жизни, стимулирующий сужение интересов пожилых людей и их концентрацию в основном на проблемах здоровья и разных жизненных неурядицах. Однако не нужно считать, что такие изменения психического состояния свойственны всем пожилым людям. Есть немало людей, которые до глубокой старости сохраняют оптимистический настрой, высокую трудоспособность. Этому способствует множество факторов, в частности здоровый образ жизни, наличие развитых интересов, активная общественная жизнь.

Многолетние мониторинговые исследования Института социологии НАН Украины фиксируют меру проявления интересов, социальной активности пожилых людей в разных сферах жизнедеятельности — трудовой, политической, досуговой и т.п. Так, по данным Омнибуса 2007 года, на вопрос: “В какой мере Вас интересует политика?” — 19,8% мужчин и 14,4% женщин ответили: “Очень интересует”; в определенной мере интересуются политикой 64,2% мужчин и 64,1% женщин (к группе пожилых людей в опросе были отнесены мужчины в возрасте 60–75 лет и женщины в возрасте 55–75 лет, всего 412 человек). И хотя интерес к политике является проявлением пассивной формы участия в политической жизни, он позволяет оценить отношение пожилых людей к политической системе, политическим процессам и явлениям, происходящим в стране. Пожилые люди остаются полноправными членами общества, способными участвовать в политической жизни, реализовывать определенные интересы в сфере политики.

Социальное признание и определенный социальный статус человек приобретает, принимая участие в жизни общества. И хотя после выхода на пенсию пожилые люди часто продолжают активную жизнь, у них в общем возникает дефицит социальных связей. Общество заинтересовано в поддержке участия пожилых людей в разных формах общественной жизнедеятельности. Если выход на пенсию рассматривать как уход “из нормальной жизни”, то такая потеря для пожилого человека должна компенсироваться другой интегративной деятельностью, которая бы позволяла избежать социальной изоляции. Однако, к сожалению, современное общество предлагает слишком мало возможностей для проявления социальной активности пожилых людей, если учитывать состояние их здоровья и социальную обеспеченность. Отвечая на вопрос: “В какой мере Вы удовлетворены своим положением в современном украинском обществе?”, 50% мужчин и 52,6% женщин ответили: “Скорее неудовлетворены”. Поэтому очень важны гуманистические подходы в политике государства, в деятельности общественных организаций в плане повышения социальной активности пожилых людей, реализации их интересов в разных сферах жизнедеятельности и, в целом, формирования у человека независимо от возраста чувства удовлетворенности своим положением в обществе.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ВИКТОР ГОРОДЯНЕНКО,

*доктор исторических наук, заведующий
кафедрой теории и истории социологии
Днепропетровского национального универ-
ситета*

Социология федерализма: историографический аспект анализа

Abstract

The paper analyzes literary sources covering the problems of state governing. The author devotes his attention to the experience of foreign nations gained under formation and development of federal governing, as well as emphasizes others' opinions and suggestions about the state governing of Ukraine.

Изучение публикаций периодических изданий, научных сборников, специальных литературных источников, эмпирического материала, накопленного за последние годы, свидетельствует о том, что у социологов обозначился определенный интерес к проблеме федерализма. Источниковая база библиотечных фондов располагает сегодня достаточно большим объемом литературных источников по проблемам межнациональных и межрегиональных отношений. В первую очередь, следует обратить внимание на теоретические работы общего плана, где освещается опыт синтетической теории права и государства, правовой статус народов, федерализм власти и т.п. [1]. Заслуживают внимания источники, описывающие зарубежный опыт федерализма: сущность американского федерализма, конституционные гарантии целостности федерации, федералистские концепции европейского строительства, разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами и др. [2]. В этом плане интересен опыт Российской Федерации, изложенный и опубликованный в ряде монографических и социологических исследований [3].

Среди указанных литературных источников, освещающих проблематику федеративного устройства Российского государства, особое внимание привлекает изданная РАН книга В.Иванова “Социология федерализма” (М., 2004).

Центральной проблемой работы стало изучение оптимизации федеративного устройства страны. К числу самых важных проблем современного российского общества автор относит проблемы сохранения единства и целостности России, повышения уровня управляемости страны, совершенствование взаимодействия федерального центра и субъектов федерации. Именно поиску путей их решения посвящена данная работа. Само наименование глав книги убеждает читателя в серьезном, многоаспектном подходе к проблеме. Это — история и теория вопроса; национальный и культурный факторы федерализации; механизмы модернизации российского федерализма. Вместо заключения автор достаточно квалифицированно описывает федерализм как принцип обеспечения безопасности государства. Важно и то, что работа построена в основном на результатах социологических исследований. И наконец, автор выделяет основные положения программы социологического исследования, а также описывает систему его показателей. Несомненно, книга В.Иванова заинтересует не только ученых, но и политических деятелей, специалистов в сфере государственного управления.

Более тщательный историографический анализ обозначенной проблематики позволяет выделить работу российского исследователя В.Кузнецова, особую актуальность и значимость которой придает то, что ее появление знаменует собой объективную потребность для стран СНГ в объединяющей патриотической идеологии, способной консолидировать общество на основе общей цели, идеалов и ценностей [4]. В данной книге использовано значительное количество первоисточников: теоретические разработки видных зарубежных социологов, огромный массив материалов конкретных исследований, новейшие документы, в том числе международных организаций, выступления политиков, результаты научных дискуссий и др. Перед нами сложное, многоаспектное исследование идеологических процессов, выполненное в социологическом ракурсе. Хотелось бы обратить внимание на два круга проблем, в решение которых автор внес весомый вклад. Первый касается структуры современного идеологического пространства; второй — становления объединяющей, консолидирующей общество идеологии. Это — основной стержень книги. Исследователь показывает (разд. IV, V), что ключевой задачей процесса государственного устройства является обоснование общенациональной цели, значимой для каждого человека, семьи, региона, всех национальностей, проживающих в стране. На ее базе формируется социальный идеал, общенациональные ценности, смысложизненные установки индивида. Нельзя сказать, что задача выработки такой цели полностью решена автором, но определенные контуры решения намечено: это, прежде всего, достижение безопасной, благополучной, достойной жизни для каждого человека, семьи, общества в целом. С общей целью он связывает базовые общенациональные ценности. Основные приоритеты — это безопасность, мир, семья, достаток, справедливость, законность, порядок, труд, патриотизм, свобода, достоинство, духовность и др. По сути, консолидирующая национальная идеология может складываться на базе концентрации указанных ценностей, укоренения их в сознании масс. Возможно ли это в

Украине, учитывая существенные, порой антагонистические различия интересов социальных групп в обществе? На мой взгляд, поиски ответа на этот вопрос будут тщетны, если ограничить их только идеологическим полем. Ведь оно вторично, так или иначе отражая социальное пространство. Реальное содержание ценностей, выраженных в абстрактных понятиях, не совпадает у разных по статусу социальных групп и территориальных общностей. Поэтому, если и можно достичь компромисса по той или иной идеологической позиции, прийти к какому-то согласию в трактовке идеологических конструктов, то на практике в обществе они будут по-разному реализовываться применительно к тем или иным социокультурным общностям и регионам страны.

И все же полагаю, что теоретические и эмпирические исследования консолидирующих идеологий в процессе становления государственности — важное направление социологической науки. Успех таких исследований будет обеспечен в том случае, если идеологические явления будут анализироваться в тесной связи с социальными процессами, а оценка общенациональной идеологии — соизмеряться с тем, как решаются социальные проблемы большинства народа, как удовлетворяются материальные и духовные потребности всех социальных групп многонационального государства.

Одним из важнейших признаков федерализма, как известно, является территориальное распределение политической власти. В этой связи современная украинская историография фиксирует наличие статей по проблемам региональной политики [5], а также становления региональной социологии [6]. В этих публикациях авторы отмечают, что современное государство, независимо от его политической системы, будь то авторитарной или демократической, не может обойтись без разделений властей. Особенно остро эта проблема встает в многонациональных государствах. Нечеткость или неясность в распределении территориальной власти может вызвать кризис государственного управления и устройства: чрезмерная концентрация власти в центре может привести к разбалансированию политической системы и распаду страны.

Заслуживает внимания и анализ содержания статей, опубликованных как в специальных научных сборниках [7], журналах [8], так и в периодической печати [9]. Если в целом охарактеризовать научные публикации по проблемам федерализма, то можно утверждать, что вниманием эта тема не обделена. Контент-анализ публикаций в средствах массовой информации показывает, что, во-первых, проблема государственного устройства Украины обсуждается достаточно широко и, во-вторых, предлагаемые модели федерализации весьма разнообразны и порой даже противоречивы. Прежде всего, относительно будущих территориальных границ. Очевидные отличия, существующие сегодня между различными регионами страны, авторы статей рассматривают сквозь призму проблем языка, религии, менталитета, истории, культуры, отношения к внешнеполитическому курсу, а также традиционно сложных взаимоотношений экономически развитых промышленных областей и менее развитых аграрных. Идея автономизации регионов, федеративного устройства Украины, по мнению большинства авторов статей по обсуждаемым проблемам, является признаком зрелости определенных политических сил и сторонников такого устройства среди населения. Действительно, утверждения о желаемом “единообразии” не убедительны.

Украина могущественна в своем многообразии, что следует признать как реальность, как всенародное достояние и богатство. И все же, чтобы более конкретно обсуждать обустройство Украины, нужны углубленные социологические исследования, и не только во всеукраинском пространстве, но и на уровне различных регионов страны, учитывая исторические факторы их развития, менталитет населения, принадлежность к той или иной религиозной конфессии, экономический вклад в национальное богатство унитарного государства и многое другое.

Однако уже сегодня, по мнению ряда авторов, можно обозначить несколько позитивных аспектов, которые должны снимать социальную напряженность в обществе и способствовать дальнейшей консолидации населения страны. К наиболее значимым из них можно отнести следующее:

- федеративное устройство может стать основой соборности, единство государства в этом случае будет более органичным, без навязывания людям ценностей другого типа культуры;
- легитимация власти регионов позволит ей стать ближе к социально-территориальным общностям и взять на себя решение большинства локальных проблем непосредственно на местах;
- расширение полномочий регионов сократит до минимума вмешательство во внутренние дела иностранных государств;
- учет религиозного фактора в федеральном преобразовании государства снимет межконфессиональную напряженность и стабилизирует ситуацию в обществе;
- федерализм должен способствовать и решению языковых проблем; разные субъекты федерации никогда не станут диктовать друг другу, на каком языке и по каким учебникам следует обучать детей, кого считать национальным героем, а кого предателем;
- наконец, федерализация снимет вопрос о донорах и субсидируемых регионах; пересмотр бюджетного законодательства в этом отношении — надежный путь к самоуправлению.

Этот перечень можно продолжить, принимая во внимание сложившиеся ценности и интересы различных территориальных и социокультурных общностей Украины. Именно исходя из таких подходов обустроивались США и Канада, этнически однородные Австрия и ФРГ, этнически разнородные Швейцария и Бельгия, десятки других высоко- и среднеразвитых государств.

И наконец, нельзя не отметить появившуюся в последние годы научно-справочную и учебную литературу [10]. Из перечня справочной литературы наибольший интерес представляет учебное пособие «Социология федеративных отношений : Словарь-справочник» (под ред. В.Иванова и Г.Семигина; М., 2003). Авторы словаря-справочника попытались расширить диапазон уже устоявшихся научных терминов новыми понятиями, непосредственно относящимися к проблематике федеративного устройства России, сохранения ее единства, целостности и повышения уровня ее управляемости. В то же время книга, в которой описаны около 300 категорий, понятий и терминов, наверняка может быть использована украинскими исследователями. Тем более, что некоторые понятия в справочной литературе Украины трактуются порой в диаметрально противоположных на-

правлениях. Как известно, определенные политические силы в нашей стране часто отождествляют федерализм с сепаратизмом. Однако сам процесс федерализации, по мнению составителей словаря-справочника, требует, прежде всего, выяснения вопроса о том, идет ли речь о переходе от раздробленности к конфедеративному или федеративному объединению или же от полного единства, унитаризма к федерализму. В первом случае, утверждают авторы пособия, федерализация отражает тенденцию централизации, а во втором — децентрализации. Конкретными примерами федерализации в истории могут служить: превращение России из унитарного государства в федеративное (1917–1918); переход от унитарной к федеративной форме управления в Чехословакии (1968–1969); замена унитаризма федерализмом в Бельгии 1970-х годов и др. Данный словарь-справочник рассчитан на студентов социологических факультетов, аспирантов, ученых и специалистов в области федеративных отношений, широкий круг читателей, интересующихся проблемой федерализма. Кроме того, справочный материал, приведенный в словаре, может быть использован при проведении конкретных социологических исследований.

Стоит отметить и учебное пособие Р.Абдулатипова “Федералогия” (СПб., 2006), которое представляет новую научную дисциплину — науку о теории и практике федерализма, о федеративной форме государственного устройства и управления, федеративных отношениях и федеративной культуре в целом. В пособие включены работы политиков и ученых разных областей социальных наук. Приведены размышления об истории федеративной идеи, о сущности федерализма, о перспективах его развития. Книга отличается тем, что авторы представленных в ней работ выдвигают собственное, часто неоднозначное и вызывающее споры видение данной проблемы и путей ее решения.

Следует сказать, что несмотря на возросшее внимание исследователей к проблемам федерализма, в современной научной литературе пока не сложился единый взгляд на толкование самого понятия “федерализм”. Чаще всего его рассматривают только как “принцип территориальной организации, предполагающей его [государства] устройство в форме федерации” [11, с. 474].

Но есть и другое, более широкое толкование федерализма. В частности, известный российский политолог Р.Абдулатипов считает, что “федерализм — явление многоаспектное, многогранное, его нецелесообразно сводить к государственному устройству определенных территорий... Можно сказать, что федерализм — это демократический принцип обустройства территорий в рамках единого государства; это совершенствование управления государством; это сохранение его территориальной целостности; это соблюдение прав и интересов всех национальностей, свободное развитие их экономики, культуры, традиций путем тщательного учета их особенностей и потребностей, интересов, равно как потребностей и интересов всей системы власти и управления. Главным показателем успешного развития федерализма является соблюдение равноправия граждан независимо от их национальности и места проживания, на территории всей страны” [12, с. 63].

Но в любом случае, основным вопросом федеративной формы территориальной организации государства является распределение компетенции между государством в целом и его субъектами (политико-территориальными

ми единицами). И самое насущное — федеративная система является основным структурным механизмом в контексте консолидирующего решения: децентрализация политической власти открывает возможность учета разных социально-политических требований в рамках существующей системы управления. Особенно это актуально для современной Украины. Украина — страна многонациональная, многоязычная, поликонфессиональная, отличающаяся разнонаправленными экономическими интересами региональных элит. Исторические территории Украины формировались на основе разных субъектов, которые столетиями находились в составе, а следовательно, под влиянием Польши, Австро-Венгрии, России, Румынии и др. Именно это и обусловило отличия разных регионов. Сегодня не замечать этого — значит проявлять невежество или же намеренно их игнорировать с целью дестабилизации ситуации в обществе.

Следует подчеркнуть, что идея федерализации не нова для нашей страны. Еще на заре XX века М. Грушевский утверждал: “Украинская республика в конечном итоге будет федерацией земель — Соединенными Штатами Украины. Будет ли Украинская республика формально называться федеративной или нет, фактически она все равно должна организовываться как федерация своих республик-громад. Всякое навязывание громадам механической унитарности, принудительных связей будет большой ошибкой, которая вызовет только отпор, реакцию, центробежность или даст основание для новых междоусобиц” [13, с. 230–232].

Анализ современных процессов становления государственности в стране позволяет увидеть, насколько это сложный и противоречивый процесс. Возникает вопрос — почему федеративные отношения в постсоветской Украине не обсуждаются на государственном уровне? Почему так трудно в условиях унитарности добиться элементарной стабильности в обществе? Почему статус автономии предоставлен только Крыму? Однозначные ответы на эти и другие вопросы пока еще не найдены. Очевидно, прежде всего, потому, что эти вопросы отнюдь не простые, поиск ответов на них все время натывается на не совпадающие интересы как по линии взаимодействия центра и регионов, так и внутри региональных элит. Внутригрупповые претензии и амбиции ощущаются особенно сильно, когда вопросы касаются собственности и власти. В борьбе за власть уходят на второй план действительные интересы населения и возникают противоречия между политическими блоками и между группами голосующего за них электората. Понять происходящее сегодня в многонациональной Украине и перспективы ее развития невозможно вне рамок цивилизационного анализа. Общеизвестно, что Украина сложилась не только как многонациональное государство, но и как симбиоз разных типов культуры.

Сегодня ситуация в Украине делает особенно необходимым утверждение нравственных ориентиров и идеалов подлинно гражданского, демократического общества, где человек — высшая ценность, где его права, независимо от национальной принадлежности и социального статуса, надежно защищены, где нет места насилию и любым формам социальной и национальной дискриминации. Только на этой основе возможно объединение людей и их мобилизация на решение важнейших задач вывода страны из системного кризиса.

Говоря о перспективах реформирования унитарных отношений, целесообразно, по мнению авторов публикаций, учитывать тот факт, что федерации, построенные по территориальному, а не по этническому признаку, объективно характеризуются большей устойчивостью. Именно об этом свидетельствует опыт социальных трансформаций в мире.

В этой связи в изучении процессов становления украинского федерализма первостепенную важность приобретает анализ практики реальных взаимодействий на разных уровнях власти, выяснение основных факторов и условий, влияющих на характер этих взаимоотношений и на возможные их последствия, особенно когда речь идет о росте регионального недовольства и центробежных сил. Кроме того, предметом анализа социологических исследований может стать широкий круг вопросов, связанных с изучением в целом развития местного самоуправления, совершенствования международных отношений, обеспечения безопасности государства, в частности общественного мнения по обсуждаемым проблемам.

Французский этнолог Арнольд Ван Геннел более ста лет назад ввел в научный оборот понятие “ритуалы перехода” (rites du passage) — для обозначения момента прощания конкретного человека с его старым социальным статусом и вхождения в новые условия существования. Государства также совершают “ритуалы перехода” — одни часто, другие редко. Украина скорее относится к последним: довольно консервативная нация. Однако, по мнению отдельных авторов, только в случае совершения таких двух “ритуалов перехода”, как реформы местного самоуправления и административно-территориального устройства, можно будет говорить, что Украина как государство в организационном отношении состоялось.

В итоге следует подчеркнуть, что изучением проблем федерализации занимаются сегодня представители различных социально-гуманитарных наук. Количество литературных источников по этой тематике постоянно растет. В то же время нужно признать, что социология федерализма как область знания находится на стадии становления. В силу этого данная отрасль требует от украинских социологов конкретизации объекта и предмета исследования, уточнения специфических понятий и категорий, определения структуры отраслевого знания и методов изучения.

Литература

1. *Карпатян Л.М.* Федеративное государство и правовой статус народов. — М., 1996; *Фарушкин М.Х.* Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. — Казань, 1998; *Федерализм власти и власть федерализма.* — М., 1997; *Федералист.* Политическое эссе А.Гамильтона, Дж.Мэдисона, Д.Джея / Пер. с англ. — М., 1993; *Чиркин В.Е.* Современный федерализм: сравнительный анализ. — М., 1995; *Яценко А.С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. — Юрьев, 1912; и др.

2. *Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей.* Избранные статьи / Пер. с англ. — Вермонт, 1990; *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество? — М., 1993; *Дымов Д.Е.* Конституционные гарантии целостности федерации в зарубежных странах. — М., 1996; *Ковачев Д.А., Дымов Д.Е.* Разграничение предметов ведения между Федерацией и ее субъектами в зарубежных странах. — М., 1995; *Лафитский В.И.* США: конституционный строй и роль штатов в структуре американского федерализма. — М., 1993; *Таллок Г.* Новый федералист / Пер. с англ. — М.,

1993; *Фадеева Т.М.* Европейский союз: федералистские концепции европейского строительства. — М., 1996; *Федерация в зарубежных странах.* — М., 1993; *Васильев В.И.* Германский федерализм: проблемы развития. — М., 2000; *Тимашиова Т.Н.* Канадская модель федерализма. — М., 2002; и др.

3. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России : В 3-х кн. — М., 1992–1993; *Аришин А.Н.* Российский федерализм: истоки, проблемы и перспективы развития. — М., 1999; *Галаева А., Королева-Коноплянская Г.* Федерализм в России: исторические предпосылки и современный этап. Славянский диалог. — М., 1997; *Золотарева М.В.* Федерация в России: проблемы и перспективы. — М., 1998; *Иванов В.Н.* Россия федеративная. — М., 1999; *Иванов В.Н.* Россия: социальная ситуация и федеративные соотношения (по материалам социологических исследований). — М., 1998; *Иванов В.Н., Яровой О.А.* Российский федерализм: становление и развитие. — М., 2001; *Медведев Н.П.* Становление федерализма в России. — М., 1995; *Россия федеративная. Проблемы и перспективы /* Под ред. В.Н.Иванова. — М., 2002; *Федерализм и региональные отношения (опыт России и Западной Европы).* — М., 1999; *Топорин Б.Н.* Федерализм. Теория, институты, отношения. Сравнительно-правовое исследование. — М., 2001; *Мамсуров Т.Д., Кессельбрэннер Л.Я.* Бюджетный федерализм: Экономика и политика. — М., 2004; и др.

4. *Кузнецов В.Н.* Идеология: социологический аспект : Учебник. — М., 2005.

5. *Макеев С.* Регіональні відмінності в оцінці економічної та соціально-політичної ситуації // Політичний портрет України. — 1996. — № 15. — С. 70–90; *Гугель А.* Региональные аспекты политического и социально-экономического развития Украины // Регион: Проблемы и перспективы. — 1997. — № 1. — С. 28–30; *Понамарчук В.* Территориальное развитие Украины: проблемы и перспективы // Регион: Проблемы и перспективы. — 1997. — № 1. — С. 14–19; *Стегній О.Г., Чурилов М.М.* Регіоналізм в Україні як об'єкт соціологічного дослідження. — К., 1998; *Гринев В.* Социально-экономические и культурно-исторические аспекты региональной политики в Украине // Регион: Проблемы и перспективы. — 1998. — № 2–3 — С. 12–16; и др.

6. *Гугнин Э.А., Чепак В.В.* Актуальные проблемы и возможные перспективы развития региональной социологии в Украине // Соціальні технології: Актуальні проблеми теорії та практики. — Запоріжжя, 2002. — Вип. 14. — С. 93–100; *Яковенко Ю.І.* Регіональна соціологія чи соціологія простору? // Соціальні технології: Актуальні проблеми теорії та практики. — Запоріжжя, 2002. — Вип. 14. — С. 6–15; *Кононов И.Ф.* Социология регионов: предмет, методы и перспективы развития // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — Харків, 2003. — С. 126–130.

7. Проблемы законодательного обеспечения федерализма и региональной политики. — М., 2002; *Федерализм в России.* — Казань, 2001; *Федерализм на Юге России : Доклады Всероссийской научно-практической конференции, 17–18 апреля 2003 г.* — Ростов-на-Дону, 2003; *Федеративное устройство России: история и современность : Сборник обзоров и статей /* Под ред. Н.А.Михалева, Е.В.Алферова. — М., 1995; и др.

8. *Аболин О.Ю.* Всемирный и европейский федерализм. Вероятные перспективы // Политические исследования. — 1994. — № 5. — С. 142–149; *Бекешкина І.* Громадська думка про майбутній економічний та територіальний устрій України // Політичний портрет України. — 1993. — № 2. — С. 1–12; *Городяненко В.Г.* Федерализм как предмет обсуждения // Грани. — 2007. — № 2. — С. 98–102; *Зубов А.Б.* Унитаризм или федерализм: к вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. — 2000. — № 5. — С. 32–55; *Калина В.Ф.* Развитие идеи федерализма в истории человечества // Социально-гуманитарные знания. — 1999. — № 1. — С. 210–215; *Каспэ С.И.* Российская Федерация: строительство без проекта // Полис. — 2000. — № 5. — С. 55–70; *Резник А.* Институциональные факторы стабильности слабоинтегрированного украинского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 1. — С. 155–167; и др.

9. *Ветлугин А., Тихонов В.* “Забыть не стоит!” // “2000”. — 2006. — 1 июля; *Григорьев С.* На пути к “запретному плоду” // “2000”. — 2006. — 2 сентября; *Жданов А.* Федерализация — путь к созданию сверхдержавы // “2000”. — 2006. — 9 июня; *Загорий Ю.* Федерализация — разные факторы // “2000”. — 2005. — 22 апреля; *Кушнарев Е.* Еще раз о федерализме // “2000”. — 2006. — 4 августа; *Кушнарев Е.* Новая украинская национальная идеология — час пробил // “2000”. — 2007. — 12 января; *Полях В.* Размышления обывателя о сепаратизме и федерализме и о том, кто и зачем будирует эти вопросы // “2000”. — 2006. — 4 августа; *Турчак А.* Реформировать, но не народ, а систему власти // “2000”. — 2005. — 15 июля; *Толочко П.* Украина: государство или страна? // “2000”. — 2007. — 26 октября; *Табачник Д.* Федерализм — мечта лучших из нас // “2000”. — 2008. — 18 января; и др.

10. Социология федеративных отношений : Словарь-справочник / Под ред. В.Н.Иванова, Г.Ю.Семигина. — М., 2003; Социология : Словарь-справочник / Под ред. В.Н.Иванова, Г.Ю.Семигина. — М., 1997; Федерализм : Энциклопедия. — М., 2000; Федерализм : Энциклопедический словарь. — М., 1997; и др.

11. Юридическая энциклопедия. — М., 1997.

12. *Абдулатипов Р.Г.* О федеративной и национальной политике Российского государства. — М., 1995.

13. Освобождение России и национальный вопрос. — СПб., 1907.